Научная статья / Original Article

Факторы революционной дестабилизации в режимном контексте. Опыт количественного анализа

Андрей И. Жданов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Российская Федерация

https://orcid.org/0000-0002-4492-7903

Андрей В. Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

https://orcid.org/0000-0003-3014-2037

Рекомендация для цитирования:
Жданов А. И., Коротаев А. В. (2026) Факторы революционной дестабилизации в режимном контексте. Опыт количественного анализа. *Социология власти*, 38 (2): 118-167.
EDN: QBLSNR

For citation:
Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2026) Factors of Revolutionary Destabilization in Regime Contexts. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 38 (2): 118-167.

Поступила в редакцию: 15.07.2025; прошла рецензирование: 23.09.2025; принята в печать: 01.11.2025
Received: 15.07.2025; Revised: 23.09.2025; Accepted: 01.11.2025

© Authors, 2026
This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Резюме: Во многих количественных исследованиях экономические факторы революций показывают существенную переменчивость. Изучение указанной переменчивости действия экономических факторов революционных процессов составляет основной вопрос данного исследования. Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие предварительные выводы: (1) Чем выше уровень благосостояния населения (операционализированный через подушевой ВВП), тем выше вероятность начала невооруженных революционных выступлений в автократиях и тем ниже она в демократических режимах. При этом применительно к рискам вооруженной революционной дестабилизации отрицательная корреляция с ВВП на душу населения наблюдается для всех типов режимов. (2) Чем более защищенными являются права частной собственности, тем более стабильными являются демократии и тем большему риску революционной дестабилизации подвергаются недемократические политические режимы.

При этом наиболее выражена эта закономерность применительно к невооруженным революционным выступлениям. (3) Чем больше доля государства в экономике, тем меньше вероятность революции в автократиях (эта закономерность особенно выражена применительно к невооруженным революциям) и тем выше вероятность революции в демократиях. Необходимо подчеркнуть, что первый из полученных нами выводов не противоречит результатам предыдущих исследований, показавших наличие перевернутой U-образной зависимости между подушевым ВВП и вероятностью невооруженной революционной дестабилизации. Действительно, из выявленной нами закономерности вытекает, что наиболее низкой вероятность начала невооруженных революционных выступлений является в бедных полных автократиях и богатых консолидированных демократиях. Между тем большинство консолидированных демократий приходится именно на страны с высоким подушевым ВВП, а полных автократий особенно много среди государств с низким ВВП на душу населения. В итоге страны с наиболее и наименее низкими подушевыми доходами оказываются имеющими наименьшие риски невооруженной революционной дестабилизации, что и дает эффект вышеописанной перевернутой U-образной зависимости. Полученные нами выводы, с одной стороны, позволяют упорядочить факторы революционной дестабилизации, выстроив устойчивую и робастную теорию революций, которая бы минимизировала противоречия и переменчивость при изменении дизайна количественного анализа, а с другой — позволяла бы строить робастные и адресные прогнозы революционной дестабилизации с учетом специфики разных политических режимов.

Ключевые слова: революции, факторы революций, политические режимы, количественный анализ, асимметрия революционных факторов

Factors of Revolutionary Destabilization in Regime Contexts. A Quantitative Analysis

Andrey V. Korotayev

HSE University;
Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0003-3014-2037

Andrew I. Zhdanov

HSE University;
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-4492-7903

Abstract: Imagining a cosmic future touches on many topics — but typically avoids the topic of death, burial, and attitudes toward deceased ancestors. Most of these developments concern life-support systems. This article ana-

lyzes the debate between American anthropologist Elizabeth Povinelli and Russian cosmists. The subject of this debate is immortality and attitudes toward ancestors in the context of space exploration. Povinelli analyzes Russian cosmism in the context of her experience researching and living with Australian Aborigines. For the cosmists, space colonization was a high priority. Russian visionary philosopher Nikolai Fedorov believed that it was necessary to leave Earth, firstly, to resurrect ancestors — it was necessary to collect particles from across the universe. Secondly, space exploration was necessary to disperse resurrected ancestors to other galaxies: there wouldn't be enough room for everyone on the spaceship Earth. In contrast, Povinelli's geontological concept suggests "not looking up." The researcher opposes the colonization of space, as her model of immortality presupposes the localization of descendants. This immortality is based on mutual material exchange between ancestors and descendants. People "feed" their ancestors with their excrement, and in return, receive assistance from the spirits in their local existence. In this sense, all failures and obstacles are explained by the intervention of ancestors. The article proposes resolving this aporia by reconciling two models of relationships with ancestors — that of cosmism and that of Povinelli's anthropology. Currently and in the near future, space exploration takes place within the closed circuits of space stations, ships, and settlements. In such biospheres, releasing the deceased into outer space would be practically disadvantageous. Most likely, ancestors and descendants will feed each other, and funeral rituals and exchanges with ancestors could become part of the maintenance of the biospheres of space settlements.

Keywords: Soil, ancestors, exchange, compost, scale, place, Earth, cosmism, space exploration, biosphere

Введение

Революции и формы их проявления занимали умы философов и историков на протяжении тысячелетий — с самого зарождения социальных наук. Первые попытки совершить революции, а также осмысление этих попыток производились еще в Античности, что позволило Джеку Голдстоуну вывести максиму: «Революции почти так же стары, как мир» (Goldstone 2014, p. 38). В современной политологии растет интерес к изучению процессов революционной дестабилизации, так как, несмотря на непродолжительный спад революционной активности в конце 1990-х и первой половине 2000-х годов, по всему миру фиксируется рост и числа революционных эпизодов, и их продолжительности. Помимо этого, растет число «нетипичных» революционных акций — таких как революционные движения без революций (*RMWR — Revolutionary Movements Without Revolution*), которые начинают затрагивать в том числе и демократические государства, до этого считавшиеся полностью защищенными от всех форм революционной активности (Голдстоун и др.

2022; Коротаев, Гринин и др. 2022; Beissinger 2022, pp. 59–62; Walter 2022; Korotayev, Zhdanov 2022). Указанные причины позволили Джеку Голдстоуну заявить, что мы живем в «новую эпоху революций» (Goldstone 2014).

Осмыслить новую политическую реальность попытались создатели пятого поколения революционных теорий, характерной чертой которого является рассмотрение посредством количественного анализа широкого перечня революционных факторов (Коротаев, Гринин и др. 2025; Beissinger 2022; Korotayev, Grinin et al. 2025). При этом, согласно Дж. Лоусону, еще до этого поколения исследований устоялось фундаментальное понимание того, что революции происходят благодаря комплексному воздействию целого ряда обстоятельств — экономических, политических и социально-культурных, и что простой формулы революции не существует (Lawson 2016). Одновременно, осознавая революции как производные от резонанса множества факторов, теоретики пятого поколения не обходят вниманием и акторные («субъективные») факторы, такие как лидерство, идентичности, сети, коалиции, тактики и прочее (Beissinger 2025). Особое внимание уделяется экономическим факторам, которые являются важным «фоном» и условием для возникновения революционной дестабилизации.

Еще в рамках революционной теории четвертого поколения объект анализа был смещен с вопроса «почему происходят революции?» на вопрос «при каких условиях государства становятся нестабильными?» (Goldstone 2003). Такое понимание революций как возникающих под влиянием множества обстоятельств процессов является важным дополнением к предыдущим поколениям исследований. Кроме того, отличительными особенностями концепций пятого поколения являются, во-первых, робастный характер выводов, основанный на статистическом анализе значительных выборок революционных событий, во-вторых, рассмотрение широкого перечня социальных, экономических, политических, географических, международных и иных факторов, составляющих комплексную картину причин революционной дестабилизации (Grinin, Korotayev 2024a, 2024b).

Однако главное достоинство пятого поколения революционных теорий, а именно всестороннее рассмотрение широкого комплекса предикторов революций, одновременно является основным его недостатком. Из-за этого исследователи пятого поколения сфокусировались на анализе отдельных факторов или типов революций, но не на попытках создать общую теорию. В результате вместо того, чтобы переосмыслить основу своих теоретических предпосылок, подходы пятого поколения имеют тенденцию добавлять больше переменных и включать в статистические модели больше случаев,

производя то, что Чарльз Курцман называет «многомерным конъюнктурализмом» (Kurzman 2003, p. 117).

В результате итоги осмысления факторов революционной дестабилизации социологами и политологами, относящимися к пятому поколению исследователей революционных событий, подчас выглядят как множество противоречивых выводов и постулатов, не способных дать целостную и однозначную картину относительно направления влияния тех или иных предикторов на вероятность разворачивания революционных процессов. Помимо этого, выводы, полученные в рамках пятого поколения теорий революции (*5ПТР*), часто зависят от исходных предпосылок той школы, в рамках которой исследователь стремится «запечатлеть» феномен революции или отдельного революционного фактора (Коротаев и др. 2024; Korotayev, Zhdanov 2023a; Korotayev, Zhdanov 2023b).

В связи с этим в современной политической науке все шире распространяется мнение, что необходимость отреагировать на новые революционные феномены и характеристики все сильнее подталкивает исследователей к поиску новых промежуточных (около)революционных ситуаций, их объяснений и новых методов их анализа. Это позволяет отдельным политическим социологам заявлять о необходимости дальнейшего развития 5ПТР; при этом главной особенностью нового подхода может быть рассмотрение революций в режимном контексте (Korotayev, Grinin et al. 2025).

Наиболее явно это видно при исследовании экономических факторов революционной дестабилизации, которые в разных исследованиях демонстрируют разнонаправленное (отличающееся как по знаку, так и по уровню статистической значимости) влияние на ее вероятность (Korotayev, Zhdanov 2023b).

Таким образом, противоречивость статистических выводов пятого поколения революционных теорий способствует снижению предсказательной способности современной политической науки в сфере прогнозирования рисков революционной дестабилизации. Необходимость разрешения указанных противоречий, объяснения переменчивости результатов статистических тестов и совершенствования теорий революции для повышения качества научной экспертизы рисков социально-политической дестабилизации обуславливают актуальность поиска причин переменчивости факторов революционной дестабилизации.

Теоретическая рамка

Индикаторы экономического развития и их динамика являются одними из наиболее часто рассматриваемых факторов разворачивания революционных процессов. Макроэкономические индексы

и показатели, согласно современной политической социологии, представляют собой достаточно значимый предиктор социально-политической нестабильности, что находит отражение как в многообразии концепций, рассматривающих центральное влияние экономических факторов при разворачивании революционных процессов, так и во множестве статистических тестов, выполненных в духе той или иной теории. В рамках данной парадигмы разработано множество доктрин, среди которых можно выделить:

Во-первых, теорию экономической модернизации, утверждающей, что экономическое развитие «порождает нации» и способствует их политическому самоопределению, которое, вступая в конфликт с архаичными институтами, приводит к революциям (Butcher, Svensson 2016, pp. 145–147).

Во-вторых, теорию институциональных переговоров Дж. Найта, согласно которой бóльшие ресурсы означают бóльшую склонность политических акторов бороться за свои политические требования (Knight, Sened 1995). Так, экономический рост создает структурные условия, которые повышают осуществимость массовых выступлений (особенно это касается невооруженных акций революционного протеста) путем создания обширных экономически интегрированных социальных объединений. Также экономическое развитие повышает активность диссидентов и предоставляет им дополнительный ресурс для разворачивания протестной активности. К этим ресурсам относят дополнительные каналы коммуникации (и упрощение доступа к ним), а также расширение массы индивидов, «сочувствующих» оппозиционной деятельности, которые, удовлетворив на фоне общего благосостояния базовые потребности, формируют новые запросы, касающиеся уже необходимости самовыражения, участия в политическом управлении, демократических свобод и т. д. Рост экономического благосостояния общества, помимо этого, подразумевает высвобождение у населения лишних финансовых и иных активов (в т.ч. времени), которые можно направить на поддержку политической деятельности альтернативных (и в том числе революционных) лидеров (Korotayev, Sawyer et al. 2021; Коротаев, Сойер и др. 2020).

В-третьих, необходимо упомянуть концепцию «относительной депривации», утверждающую, что революции начинаются вследствие разрыва между тем, что люди ожидали получить, и тем, что они фактически получили (Gurr 1970, p. 13). Иными словами, макроэкономические шоки и рост бедности после периода продолжительного экономического подъема могут привести к эскалации политического насилия (Davies 1962), т.к. гнев, фрустрация и недовольство уровнем жизни (представляющие собой главное «топливо» любых революций) являются производной от обострения социальных

и экономических проблем (Arendt 2016, p. 19; Keller 2015, p. 3; Shaheen 2015, p. 83).

Совокупность данных теорий, исследующих экономическое развитие как фактор революций, и их дальнейшее осмысление сформировали в современной политической науке консенсус, согласно которому высокие показатели благосостояния общества снижают риски насильственной революции. Что касается ненасильственых революций — характер зависимости между уровнем благосостояния и их вероятностью представляет собой перевернутую U-образную кривую. Так, по мере роста подушевого ВВП риск вооруженной революционной дестабилизации значимо снижается, почти достигая нуля в самых богатых странах. Что касается риска невооруженных революций, то в слабо- и среднеразвитых странах по мере повышения благосостояния он увеличивается, но падает в развитых странах (Коротаев, Билюга и др. 2016; Коротаев, Гринин и др. 2017; Устюжанин, Михеева и др. 2023; Beissinger 2022).

В то же время всё новые и новые статистические тесты, проводимые в рамках современных количественных исследований, обогащали данные постулаты новыми выводами, гипотезами и теориями. Разные исследователи, проводя свои расчеты с различными выборками, временными рамками и нюансами методологии, делали выводы о существовании все более своеобразных типов зависимости между экономическим развитием и рисками революционной дестабилизации.

Наиболее наглядно это видно на примере статистической оценки ВВП на душу населения как фактора революции. ВВП на душу населения рассматривался во множестве количественных исследований факторов революционной дестабилизации (Коротаев и др. 2015; Медведев и др. 2022; Медведев, Коротаев 2021; Слав, Коротаев 2021; Устюжанин, Жодзишская и др. 2022; Устюжанин, Коротаев 2022; Albrecht, Koehler 2020; Beissinger 2024; Besançon 2005; Cincotta, Weber 2021; Fox 2004; Gleditsch и др. 2021; Gleditsch, Rivera 2017; Keller 2015; Knutsen 2014; Korotayev, Issaev et al. 2015; Shaheen 2015; Wimmer et al. 2009). Агрегация результатов этих работ представлена на Рисунке 1.

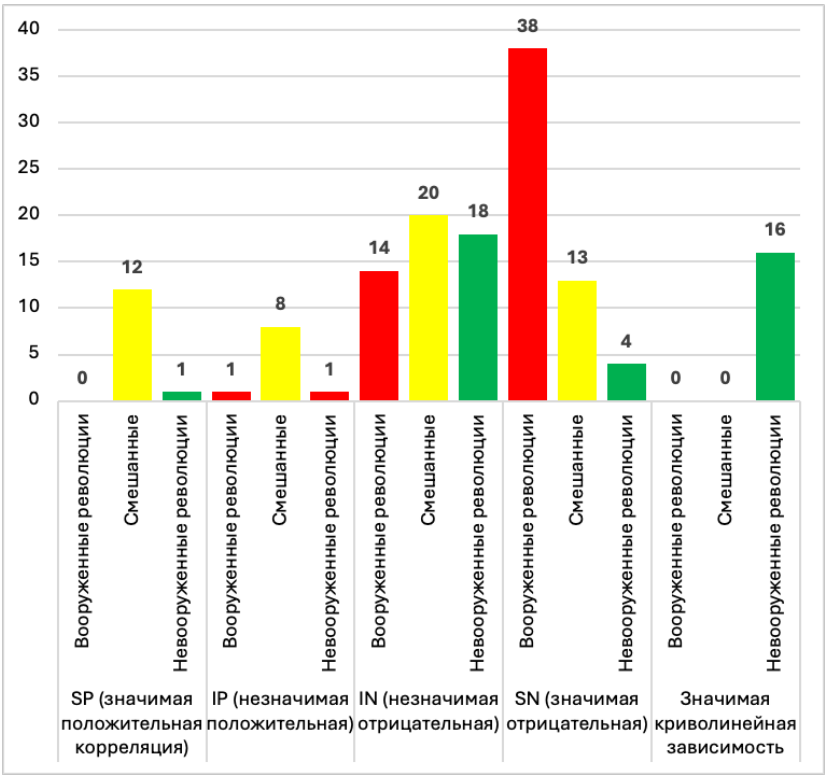

Рис. 1. Количество моделей с рассмотрением фактора ВВП на душу населения в зависимости от типа зависимой переменной[1]
Fig. 1. The number of models considering the GDP per capita factor depending on the type of dependent variable

Имеющиеся количественные исследования хотя и демонстрируют заметный «перекос» в сторону отрицательной зависимости между ВВП на душу населения и вероятностью насильственной революционной дестабилизации (38 статистических тестов), тем не менее в то же время демонстрируют значительную вариативность (Korotayev, Zhdanov 2023b). Многие исследователи пришли к выводу о незначимой или даже положительной зависимости ме-

1 Зависимая переменная обозначена авторами как «смешанные» в случае, если соответствующая совокупность революционных событий включает в себя заметное число как вооруженных, так и невооруженных революционных выступлений. Это относится прежде всего к тем случаям, когда в качестве зависимой переменной используется вся совокупность революционных событий, без их подразделения на вооруженные и невооруженные.

жду ВВП и риском возникновений революций. При этом примерно одинаковое число тестов показывают положительно значимую и отрицательно значимую зависимость между ВВП на душу населения и смешанными революциями (12 и 13 соответственно).

Подобного рода переменчивость наблюдается применительно ко многим другим экономическим индикаторам, к которым политические социологи относят темп роста ВВП, долю нефтяного экспорта, объем импорта, инфляцию и др. В различных исследованиях выявлено разнонаправленное влияние многих экономических факторов на риски революционной дестабилизации (Медведев и др. 2022; Медведев, Коротаев 2021; Слав, Коротаев 2021; Beissinger 2022; Chenoweth, Ulfelder 2017a; Cincotta, Weber 2021; Gleditsch, Rivera 2017; Keller 2015; Knutsen 2014; Korotayev, Zhdanov 2023; Shaheen 2015; Ustyuzhanin et al. 2022; Wimmer et al. 2009).

Мы можем заключить, что изучение экономических причин революционной дестабилизации в рамках современных количественных исследований привело к неоднозначности и разнонаправленности выводов. Сосредоточившись на изучении отдельных характеристик и факторов революций (таких как рост неравенства, бедности, безработицы, инфляции и т. д.), представители 5ПТР, с одной стороны, способствовали приращению научного знания в смысле расширения перечня факторов революционной дестабилизации, рассматриваемого современной политической социологией, а с другой — создали множество противоречий, когда одни и те же факторы в разных исследованиях демонстрируют противоположное воздействие на вероятность революционной дестабилизации. Указанное противоречие является главной исследовательской проблемой данного исследования.

Теоретические ожидания

Возможным решением проблемы вариативности (или асимметрии) факторов революционной дестабилизации является их рассмотрение в режимном контексте. Многие исследователи феномена революции считают, что тип политического режима является важным предиктором, влияющим на вероятность начала революционных выступлений (Beissinger 2024, pp. 16, 93, 108; Chenoweth, Ulfelder 2017, p. 308; Fox 2004, p. 721; Keller 2015, p. 8). При этом некоторые политические социологи утверждают, что тип режима определяет вероятность не только возникновения революции, но и ее успеха (Albrecht, Koehler 2020, p. 8).

В то же время наблюдается дифференцированный подход разных политических режимов к амортизации революционной угрозы. Если автократии, сталкиваясь с революциями, в большей степени

зависят от поведения элит — их единства, решительности и готовности защищать текущую политическую систему, то демократии, наоборот, полагаются на массы и их центростремительное поведение перед лицом политических, экономических или социальных вызовов. В свою очередь, автократиям, чтобы выжить, необходимо «подкупать» элиты, выстраивать систему патронажа и демонстрировать единство правящего класса перед лицом общей угрозы (в отдельных случаях необходимо единство между правящим классом и правоохранительными структурами, армией, тайной полицией), а демократиям, в первую очередь, надлежит обеспечить лояльность и сдержанность широких общественных масс (Lawson 2019, pp. 56, 80). Ф. фон Хайек утверждал, что демократии для сохранения себя необходимо гарантировать умеренность воли большинства (Hayek 2013, p. 363); развивая эту точку зрения, можно утверждать, что автократиям для этой же цели необходима умеренность элит.

Кроме того, различия в выживании демократий и автократий заключаются в том, что, как писал Руссо, сохранение демократического устройства обеспечивается бдительностью и мужеством граждан, в то время как недемократические системы поддерживаются добродетелью суверена (Руссо 1998, с. 256). Так, демократиям для успешного устойчивого функционирования необходим высокий уровень развития общества, а именно достаточно высокий уровень образования, политической культуры и соответствующих политических навыков граждан, чтобы, с одной стороны, индивиды были достаточно компетентными для того, чтобы эффективно участвовать в политических процессах (разбираться в устройстве государства, конфигурации основных политических партий, наиболее острых проблемах и т. д.), а с другой — достаточно опытными, чтобы это участие носило конструктивный характер, и они не подвергались примитивным манипуляциям и не поддерживали центробежные и популистские политические силы (Grinin, Korotayev 2022, p. 110). Данный факт позволил Йозефу Шумпетеру заявить, что демократический политический режим возможен при наличии специфических составных частей, одной из которых являются высокие показатели человеческого развития (Шумпетер 1995, с. 379).

В автократиях же, наоборот, образованное и компетентное население может взбунтоваться против недемократических институтов и потребовать их замены на более инклюзивные и отвечающие их запросам и ожиданиям, к которым, в первую очередь, относится расширение политического представительства. Автократии должны не столько воспитывать в индивидах «хорошего гражданина», сколько добиться от них подчинения угрозами или убеждением. Соответственно, в автократиях мужество, компетентность и добродетель граждан может привести к свержению режима посредством

революции. Для выживания недемократическим режимам необходимы изощренность и сплоченность элит, а также способность тем или иным способом добиться послушания со стороны граждан (Алмонд, Верба 2014, с. 89).

Данное различие обуславливает тот факт, что экономическое развитие и его последствия по-разному влияют на стабильность демократий и автократий. Так, в недемократических государствах при расширении благосостояния общества формируется городской средний класс, который, как говорилось выше, удовлетворив основные «экономические» потребности, начинает требовать расширения возможностей для участия в политических процессах. Независимый от государства класс мелких собственников может не удовлетвориться социально-политическим контрактом, предлагаемым авторитарным государством, и потребовать слома *status quo* посредством революции для расширения прав и свобод граждан.

Собственно, поэтому в многочисленных теориях демократического транзита именно широкий слой обеспеченных индивидов (возникший на фоне высоких показателей благосостояния общества) является главной движущей силой демократических революций (Lipset 1981). Как только общество достигает достаточного уровня богатства, технологического совершенства, образования, бюрократизации и развития индивидуальных социальных и политических навыков, граждане разочаровываются в патерналистской политической системе и требуют расширения своих политических прав. Это ведет к ослаблению традиционных политических институтов и в конечном счете к демократической революции (Haerpfer 2009). Соответственно, с повышением благосостояния общества в недемократических государствах возрастают риски социально-политической дестабилизации.

В демократиях ситуация обстоит прямо противоположным образом. Высокие показатели богатства и благосостояния, наоборот, укрепляют демократические режимы, а расширение бедности и неравенства является одной из важных причин их деконсолидации (Korotayev, Zhdanov 2022). Л. Джэкли, С. Фиш и Дж. Виттенберг в своем исследовании «Неудавшаяся демократизация» утверждали, что бедность практически несовместима с демократией (Jakli, Fish, Wittenberg 2009). Данная зависимость связана с тем фактом, что длительное обнищание населения, с одной стороны, сигнализирует о деградации системы демократических институтов, которые вследствие коррупции или неэффективности становятся не способны обеспечивать базовые потребности населения, а с другой — лишает демократию ее главной социальной «базы» в виде развитого среднего класса, характеризующегося наиболее центростремительным поведением в политических вопросах (Мухаев, Жданов 2023;

Вайс 2023). Обнищавшие и фрустрированные индивиды пополняют ряды радикальных и популистских политических движений, которые способны разрушить демократическую систему изнутри (Walter 2022). Следовательно, повышение благосостояния в демократических государствах редуцирует риски революционной дестабилизации.

Данная особенность влияния экономического развития на риски возникновения революций позволяет нам сформулировать первую гипотезу данного исследования:

H1: Чем выше уровень благосостояния населения, тем выше вероятность революции в автократиях и тем ниже она в демократических режимах.

Немаловажным индикатором, демонстрирующим переменчивость в разных политических режимах, является уровень развития частного предпринимательства. Наличие в авторитарных режимах независимых от государства экономических структур и акторов (т.н. «второй экономики») уже само по себе, с одной стороны, является «вызовом» политическим элитам, которые стремятся контролировать не только умы индивидов, их чувства, сферу политики и т.п., но и экономические отношения, а с другой — является основой для выкристаллизовывания гражданского общества. Подчас независимые от государства экономические агенты уже сами по себе являются своеобразным элементом гражданского общества, как, например, в СССР, где подпольная продажа книг, помимо прочего, являлась каналом распространения «нежелательной» литературы, к которой относились сочинения философов, историков и экономистов немарксистской традиции.

Помимо этого, в авторитарном государстве независимые экономические акторы, чьи права собственности защищены, начинают аккумулировать вокруг себя значительные ресурсы, которые могут быть использованы для финансирования деятельности диссидентов и оппозиционных групп, формирования параллельных средств массовой информации, которые способны предоставлять площадку альтернативным точкам зрения, идущим в разрез с «официальной» государственной информацией. Также частные финансовые структуры могут начать напрямую или опосредованно через финансирование избирательных кампаний участвовать в легальной политике. В совокупности эти действия обладают кумулятивным эффектом и, при достижении критического уровня популярности альянса независимых от государства предпринимателей и диссидентов, могут спровоцировать революцию.

Необходимо также учитывать «психологический эффект» — при достижении определенного уровня богатства индивиды, «сами себя сделавшие» и построившие без помощи государства инновационные бизнес-структуры, могут испытывать фрустрацию и не-

довольство из-за необходимости вносить коррупционную ренту за «покровительство» политических элит, подчиняться абсурдным и несправедливым законам и регуляциям, а также сдерживать свои амбиции на политическом поприще. Эти факты в автократиях также подталкивают не связанный с государством бизнес к революционной борьбе.

В демократиях, в свою очередь, ситуация обстоит прямо противоположным образом. Чем сильнее развито частное предпринимательство и чем сильнее защищены права частной собственности, тем более стабильным является политический режим, и наоборот, любые попытки нарушить право частной собственности в демократиях вызывают жесточайший отпор.

Указанные предпосылки позволяют сформулировать вторую гипотезу данного исследования:

H2: Чем более защищенным являются права частной собственности, тем более стабильными являются демократии и тем большему риску революционной дестабилизации подвергаются недемократические политические режимы.

Рассматривая влияние «второй экономики» на стабильность политических режимов, необходимо изучить не только «качественный» (т. е. в какой степени защищены права частной собственности), но и количественный аспект (т. е. насколько значительную долю в экономике занимает частное предпринимательство). Если в недемократическом государстве частный сектор занимает существенную часть в общей совокупности национальных производств, то влияние и могущество амбициозных бизнесменов и финансируемых ими оппозиционных структур также расширяется, что увеличивает риски революционной дестабилизации. Соответственно, высокая доля государства в экономике недемократического режима амортизирует данную угрозу.

В демократических режимах чрезмерный государственный сектор приводит к сращиванию государственной бюрократии и корпоративного сектора, что нарушает как общий «баланс» экономических отношений, так и эффективность подобного «ручного» управления рыночной экономикой. Указанные проблемы приводят к росту коррупции, эрозии среднего класса и общему недовольству «большим государством», которое покушается на частную инициативу граждан. Тем самым высокая доля государства в демократиях увеличивает риски возникновения революций.

Данные выводы подводят нас к третьей гипотезе исследования:

H3: Чем больше доля государства в экономике, тем меньше вероятность революции в автократиях и тем выше вероятность революции в демократиях.

Методы и материалы

Зависимая переменная и структура данных

Статистический анализ, проводимый в рамках данного исследования, в качестве основного количественного метода использует логистическую регрессию для редких событий (*Rare Events Logistic Regression* (Firth 1993)), где зависимая переменная — начало революционного эпизода в стране (на панельных данных), а независимые переменные — изучаемые экономические факторы революционной дестабилизации. Так, единицей анализа является страна-год, а массив количественных наблюдений представляет собой панельные данные по всем странам в XX–XXI веках. Указанный подход позволяет выполнять статистические расчеты по таким зависимым переменным, как революционные выступления, которые происходят крайне редко, из-за чего суммарная выборка на панельных данных существенно смещается, так как в абсолютно подавляющем большинстве наблюдений революционных ситуаций не наблюдается (Kosmidis, Firth 2021). Зависимая переменная (где «1» — возникновение революционного события в стране в указанный год, а «0» — отсутствие революций) по большей части состоит из «нулей», т.к. на протяжении долгого периода в государстве могут отсутствовать любые формы революционной активности, что и обуславливает необходимость использования именно логистической регрессии для редких событий в качестве основного инструмента статистического анализа.

Отметим, что мы опираемся на следующие определения революций: «революция — это коллективная мобилизация, направленная на быстрое свержение действующего режима с целью трансформации политических, экономических и символических отношений» (Lawson 2019, p. 5); «революция — антиправительственные (очень часто противозаконные) массовые акции (массовая мобилизация) с целью: (1) свержения или замены в течение определенного времени существующего правительства; (2) захвата власти или обеспечения условий для прихода к власти определенных сил; (3) существенного изменения режима, социальных или политических институтов» (Голдстоун и др. 2022, с. 109); или революция — это «попытка преобразовать политические институты и дать новое обоснование политической власти в обществе, сопровождаемая формальной или неформальной мобилизацией масс и такими неинституционализированными действиями, которые подрывают существующую власть» (Голдстоун 2006, с. 61).

Отметим, что ни одно из этих определений не предполагает, что все революции должны быть обязательно вооруженными или

насильственными (более того, выясняется, что подавляющее большинство революционных эпизодов в XXI веке были невооруженными (Голдстоун и др. 2023; Beissinger 2022)); не предполагается также, что революции должны быть обязательно победоносными (более того, все подсчеты показывают, что число неудачных революционных выступлений значительно превышает число успешных революций (Beissinger 2022; Chenoweth, Shay 2022)).

Для анализа мы используем информацию, предоставляемую базой данных *Nonviolent and Violent Campaigns and Outcomes [NAVCO]* 1.3 (Chenoweth, Shay 2020, 2022).

Отметим, что Э. Ченовет, автор проекта NAVCO, предпочитает называть невооруженные революционные выступления «ненасильственными максималистскими кампаниями». При этом, вслед за П. Акерманом и К. Крюглером (Ackerman, Kruegler 1993), Э. Ченовет и М. Стивен определяют «кампанию» как «серию наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик в преследовании политической цели» (Chenoweth, Stephan 2011, p. 14). Более того, в базу данных NAVCO включены кампании «с целями, которые воспринимаются как максималистские (фундаментальное изменение политического порядка); ...мы намеренно выбираем только кампании с целями, которые воспринимаются как максималистские по своей природе: смена режима или национальное самоопределение» (Chenoweth, Stephan 2011, p. 68). Таким образом, в вышеупомянутых работах изучаются «серии наблюдаемых, непрерывных, целенаправленных массовых тактик, преследующих фундаментальные изменения политического порядка: смену режима или национальное самоопределение». Нетрудно заметить, что данное определение практически идентично вышеприведенным определениям революции Дж. Лоусона, Дж. Голдстоуна и др., на которые мы опираемся в настоящей работе. Сопоставление этих определений показывает, что «максималистские кампании» — это не что иное, как революции (в том числе национально-освободительные). В пользу этого говорит и тот факт, что в базе данных Э. Ченовет *NAVCO* «кампаниями» названы все бесспорные революции с 1900 года — включая российские революции 1905–1907 и 1917 годов, Конституционную революцию в Иране, Синьхайскую революцию в Китае, Мексиканскую революцию 1910–1917 годов и т. д. (Chenoweth, Shay 2020).

База данных *NAVCO* 1.3 описывает революционные выступления по целям, продолжительности, успеху или неудаче и, что важно, по методам — вооруженным и невооруженным[1]. Именно последняя

1 Отметим, что сама Ченовет называет их, соответственно, «насильственными» и «ненасильственными». Вместе с тем М. Кадивар и Н. Кечли вполне

классификация — было ли революционное выступление/«кампания» вооруженной или нет — будет взята в качестве основы для создания двух зависимых переменных. Так, первой зависимой переменной будет начало вооруженного революционного выступления в определенный год в конкретной стране, когда «1» — начало вооруженного революционного выступления, а «0» — или отсутствие любого события, или невооруженное выступление. Вторая зависимая переменная — начало невооруженного революционного выступления, которое получено тем же образом, однако «1» свидетельствует о невооруженном характере события. Соответственно, третья зависимая переменная, «революционный эпизод», обозначается как «1», если в стране началось любое выступление, как вооруженное, так и невооруженное.

Данные NAVCO были дополнены БД революционных событий Центра изучения стабильности и рисков НИУ ВШЭ (Голдстоун и др. 2023; Коротаев, Гринин и др. 2024; Korotayev, Zhdanov et al. 2025) и базой данных революционных эпизодов Марка Бейссенджера[1].

Для детектирования влияния политического режима используются индексы демократии в качестве переменных взаимодействия с рассматриваемыми экономическими факторами революционной дестабилизации. В качестве основных индикаторов уровня демократизации используются данные V-Dem — *Electoral democracy index* (V-Dem 2024) и «пересмотренный совокупный политический рейтинг» (*Revised Combined Polity Score*), а по сути своей, калиброванный индекс демократии Polity5 (Polity5 2022).

Для валидации результатов исследования авторы используют не только количественные индексы демократии, но и типы политических режимов (в качестве бинарных признаков).

Современная политическая социология подразделяет все политические режимы на демократии, автократии и анократии — переход-

---

убедительно показали, что участники большинства т.н. «ненасильственных максималистских кампаний» прибегали к насилию в достаточно серьезных масштабах — здесь можно вспомнить хотя бы Египетскую революцию 2011 года или Украинскую революцию («Евромайдан») 2013–2014 гг., которые Э. Ченовет вполне уверенно квалифицирует именно как «ненасильственные максималистские кампании» (Chenoweth, Shay 2020). В связи с этим Кадивар и Кечли с полными на то основаниями полагают, что называть такие революционные выступления «ненасильственными» неправильно, предлагая обозначать их как «невооруженные» (Kadivar, Ketchley 2018); следовательно, и их противоположность имеет смысл называть не «насильственными», а «вооруженными» революционными выступлениями.

1 Опубликована в виде онлайн-приложения (https://mbeissinger.scholar.princeton.edu/revolutionary-episodes-dataset) к монографии *The Revolutionary City* (Beissinger 2022).

ные политические режимы, однако для достижения целей данного исследования необходима более подробная типологизация (Коротаев, Гринин и др. 2022; Korotayev, Zhdanov et al. 2025). Вследствие этого типы режима выделяются на основе классификации Джека Голдстоуна и его коллег, который, используя две шкалы PolityIV/5 (EXREC[1] и PARCOMP[2]), выделил пять типов политических режимов (Goldstone et al.,2010, p. 196; Polity5 2022):

1. Полная автократия (*Full Autocracy*). Этот тип режима представляет собой систему, которая сочетает в себе отсутствие эффективной конкуренции за пост главного должностного лица с репрессивным подавлением политического участия. В эту категорию входят однопартийные государства, абсолютистские монархии и авторитарные диктатуры.
2. Частичная автократия (*Partial Autocracy*). Этот тип режима представляет собой систему, которая проводит конкурентные выборы на некоторые общенациональные посты, но подавляет, жестко контролирует или вовсе не допускает конкуренцию в борьбе за пост главного должностного лица.
3. Частичная демократия с фракционализмом = фракциональная демократия (*Partial Democracy with factionalism*). Этот тип политического режима аналогичен частичной демократии, но для таких режимов также характерен фракционализм — то есть «модель резко поляризованной и бескомпромиссной конкуренции между блоками, преследующими узкие интересы»[3].
4. Частичная демократия (*Partial Democracy*). В этом типе политического режима главное должностное лицо избирается путем конкурентных выборов, а политическая конкуренция эффективно не подавляется, однако либо выборы не являются полностью свободными и справедливыми, либо политическое участие не является полностью открытым и устоявшимся.
5. Полная демократия (*Full Democracy*). Данный политический режим сочетает в себе свободные и справедливые выборы с открытым и хорошо институционализированным политическим участием.

1 *EXREC (Executive Recruitment Concept)* — индикатор Polity IV/5, классифицирующий государства, в зависимости от способа прихода к власти высшего должностного лица.

2 *PARCOMP* (*The Competitiveness of Participation*) — индикатор Polity IV/5, классифицирующий государства, в зависимости от уровня политической конкуренции.

3 Подробнее о фракциональных демократиях см., например: (Коротаев, Васькин и др. 2019; Korotayev, Vaskin и др. 2021).

Более подробную стратификацию типов режима по Голдстоуну см. в Таблице 1.

Таблица 1. Схема определения типа режима по Голдстоуну
Table 1. Scheme for determining the type of regime according to Goldstone

Способ прихода к власти главного должностного лица (EXREC)	*Конкурентоспособность политического участия (PARCOMP)*					
	Полностью подавляется	Ограничивается	Не регулируется	Фракционализм	Промежуточный тип	Полная конкурентность
(1) Аскрипция [по праву рождения]						
(2) Сочетание аскрипции и назначения						
(3) Назначение [через неформальное соревнование среди элиты]						
(4) Самоизбрание [через захват власти]						
(5) Промежуточный тип между самоизбранием и выборами						
(6) Сочетание аскрипций и выборов						

(7) Переходные, или ограниченные выборы	
(8) Конкурентные выборы	

Условные обозначения к Таблице 1:

	белая заливка = полная автократия [*Full Autocracy*]
	светло-серая заливка = частичная автократия [*Partial Autocracy*]
	темно-серая заливка = факциональная демократия [*Partial Democracy with factionalism*]
	серая заливка = частичная демократия [*Partial Democracy*]
	черная заливка = полная демократия [*Full Democracy*]

Также в данном исследовании используется типологизация политических режимов по V-Dem (V-Dem 2024):

1. Закрытая автократия (*Closed Autocracy* ~ полная автократия по Голдстоуну) — отсутствуют многопартийные выборы главы исполнительной власти или законодательного органа.
2. Электоральная автократия (*Electoral Autocracy* ~ частичная автократия по Голдстоуну) — де-юре имеют место многопартийные выборы главы исполнительной власти и законодательного органа, но не удается добиться, чтобы выборы были свободными и справедливыми, или де-факто многопартийными.
3. Электоральная демократия (*Electoral democracy* ~ частичная демократия по Голдстоуну) — наблюдаются фактически свободные и справедливые многопартийные выборы, но не гарантируются на должном уровне доступ к правосудию, его прозрачность, уважение личных свобод, верховенство закона и принцип разделения властей.
4. Либеральная демократия (*Liberal Democracy* ~ полная демократия по Голдстоуну) — гарантируются фактически свободные и справедливые многопартийные выборы, а также доступ к правосудию, его прозрачность, уважение личных свобод, верховенство закона и принцип разделения властей.

Для исключения мультиколлинеарности при построении регрессионных моделей «крайние» типы режима — полная демократия и полная автократия используются в качестве базовых переменных и исключаются из модели. Иными словами, сначала выстраивается модель с типами режима в качестве переменных взаимодействия, где базовая переменная — полная автократия, а потом результаты дополнительно перепроверяются с использованием в качестве базовой переменной полной демократии. Данная кросс-валидация необходима для получения более надежных результатов.

Помимо этого, авторы для валидации результатов в отдельных моделях объединяют *Partial Democracy (without factionalism)* и *Partial Democracy with factionalism* в единую категорию *Partial Democracy.*

Независимые и контрольные переменные

Для повышения надежности результатов авторы добавляют контрольные переменные: натуральный логарифм ВВП на душу населения на базе V-Dem (V-Dem 2024), наличие революций в прошлом (за предыдущий 21 год[1]), натуральный логарифм численности населения согласно данным Отдела народонаселения ООН (UN Population Division 2025) и рост экономики, выраженный в динамике изменения ВВП за год в процентах на основе данных Всемирного банка (World Bank 2025). Данные индикаторы не только являются основными предикторами революционной дестабилизации, но и слабо скоррелированы друг с другом, что делает их наиболее подходящими в качестве использования как контрольных переменных. Также авторы добавляют фиксированные эффекты на страну и на год для более надежных выводов, которые были бы устойчивы к всплескам революционной активности в какой-либо специфический временной промежуток или на какой-либо территории.

Результаты

Уровень благосостояния авторы операционализируют при помощи индикатора ВВП на душу населения по базе данных V-Dem (V-Dem 2024). Анализ результатов логистической регрессии для редких событий позволяет нам подтвердить первую гипотезу (H1) о том, что рост благосостояния снижает вероятность революционной дестабилизации в демократиях и повышает ее в автократиях (см. Таблицу 2). Дополнительная валидация при помощи бинарных показате-

1 21 год в данном случае выбран как усредненный переход к следующему поколению.

лей для каждого типа режима (см. Таблицу А1 Приложения) также демонстрирует схожий паттерн — в частичных автократиях рост благосостояния увеличивает риск революций, а в частичных демократиях, наоборот, уменьшает.

Таблица 2. ВВП на душу населения/уровень благосостояния и риски революции в режимном контексте (логистическая регрессия для редких событий; зависимая переменная — революция)
Table 2. GDP per capita/welfare level and the risk of revolution in a regime context (rare events logistic regression; dependent variable — revolution)

	С оценкой уровня демократии по V-Dem			С оценкой уровня демократии по Polity5		
	Вооруженная	Невооруженная	Все	Вооруженная	Невооруженная	Все
Intercept	-21,326**	2,621	0,290	-15,942*	13,196	6,903
	(9,595)	(9,391)	(6,503)	(8,243)	(10,637)	(6,365)
log (ВВП на душу (t-1))	0,223	0,219	0,360*	-0,296	-0,639**	-0,365*
	(0,203)	(0,188)	(0,195)	(0,241)	(0,259)	(0,213)
Индекс демократии (V-Dem) (t-1)	9,418**	6,434*	8,083***			
	(3,745)	(3,534)	(3,058)			
Индекс демократии (Polity) (t-1)				0,361***	0,338***	0,362***
				(0,094)	(0,096)	(0,081)

Рост ВВП (t-1)	-0,016*	-0,009	-0,018**	-0,008	-0,013	-0,014*
	(0,009)	(0,008)	(0,008)	(0,009)	(0,009)	(0,008)
Революция в прошлом (t-1)	-0,412**	-0,634***	-0,511***	-0,591***	-0,803***	-0,721***
	(0,170)	(0,158)	(0,131)	(0,174)	(0,163)	(0,134)
log (Население) (t-1)	1,095**	-0,571	-0,365	1,086**	-0,780	-0,372
	(0,513)	(0,509)	(0,371)	(0,498)	(0,504)	(0,372)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да
log (ВВП (t-1)) × V-Dem (t-1)	-1,160**	-1,071***	-1,121***			
	(0,457)	(0,432)	(0,365)			
log (ВВП (t-1)) × Polity (t-1)				-0,045***	-0,048***	-0,047***
				(0,012)	(0,012)	(0,010)
Наблюдения	8,555	8,555	8,555	7,295	7,295	7,295

AIC	1,953.7	2,306.1	3,408.3	1,746.7	1,999.3	2,952.1

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01
Стандартные ошибки в скобках

Данные зависимости обусловлены тем фактом, что в авторитарных или переходных режимах увеличение финансовых возможностей индивидов, во-первых, приводит к росту их запросов и ожиданий, в т.ч. касающихся расширения политических прав и свобод; во-вторых, аккумулирует в их руках дополнительные финансовые ресурсы, излишки которых могут быть направлены на финансирование оппозиционных партий, движений и групп; в-третьих, косвенно свидетельствует о развитой и независимой от государства рыночной экономике, которая вступает в конфликт с архаичными авторитарными институтами. Вместе с тем было показано, что чем выше значение ВВП на душу населения в данной стране, тем выше вероятность, что революционное выступление в ней примет невооруженную форму (Устюжанин, Михеева и др. 2023; Cebul, Grewal 2022; Edwards 2021; Ustyuzhanin, Korotayev 2023a, 2023b). В связи с этим положительная корреляция между подушевым ВВП и вероятностью начала революционных выступлений в автократиях наблюдается только применительно к невооруженной революционной дестабилизации. Применительно же к рискам вооруженной революционной дестабилизации отрицательная корреляция с ВВП на душу населения наблюдается для всех типов режимов.

Необходимо подчеркнуть, что вывод о том, что в недемократических государствах рост благосостояния населения (операционализированного через подушевой ВВП) увеличивает риски невооруженной революционной дестабилизации, а в демократических, наоборот, снижает, не противоречит результатам предыдущих исследований, показавших наличие перевернутой U-образной зависимости между подушевым ВВП и вероятностью невооруженной революционной дестабилизации; при этом наиболее подверженными таким рискам оказываются страны со средним уровнем подушевых доходов, а наиболее низки они в государствах с очень низким или очень высоким ВВП на душу населения (Beissinger 2022; Korotayev, Issaev и др. 2015; Korotayev, Bilyuga et al. 2018; Korotayev, Vaskin et al. 2018; Korotayev, Ustyuzhanin et al. 2025; Коротаев, Исаев и др. 2015; Коротаев, Жданов 2023; Устюжанин, Михеева и др. 2023). Действительно, из выявленной нами закономерности вытекает, что наиболее низкой вероят-

ность начала невооруженных революционных выступлений является в бедных полных автократиях и богатых консолидированных демократиях (см. для иллюстрации ниже Рис. 2a2 и 2b2). Между тем большинство консолидированных демократий приходится именно на страны с высоким подушевым ВВП, а полных автократий особенно много среди государств с низким ВВП на душу населения[1] (см., например: Коротаев, Билюга и др. 2016, 2017; Korotayev, Bilyuga et al. 2018). В итоге страны с наиболее и наименее низкими подушевыми доходами и оказываются имеющими наименьшие риски невооруженной революционной дестабилизации, что и дает эффект вышеописанной перевернутой U-образной зависимости.

Наличие указанной «второй экономики» уже само по себе является дестабилизирующим фактором в автократиях, т.к. «вторая экономика» предоставляет населению возможности для обогащения «в обход» распределительных функций государства и вследствие этого формирует поведенческие паттерны независимого и свободного индивида, который не привык терпеть диктат государства. Помимо этого, происходит делегитимизация недемократического режима, который население воспринимает не как «источник всех благ», а как окостеневший механизм, консерватизм которого тормозит дальнейшее развитие общества.

Если же большинство населения находится в стесненных экономических обстоятельствах, то социальные программы, помощь и поддержка авторитарного государства становятся для них критически важной поддержкой и источником средств к существованию. Соответственно, у таких индивидов не только нет лишних ресурсов для революционной и политической борьбы за свои права (к которым относятся финансы, лишнее время и моральная уверенность в своем праве к восстанию), но и должной мотивации, т.к. в данном случае революция будет означать для них не «новые возможности для социально-экономической реализации на базе открытого рынка», как обещают революционные лидеры, а еще большее снижение уровня жизни, политическую нестабильность и риски дальнейшей эскалации гражданских конфликтов, которые в совокупности могут сделать их и так скромную жизнь невыносимой.

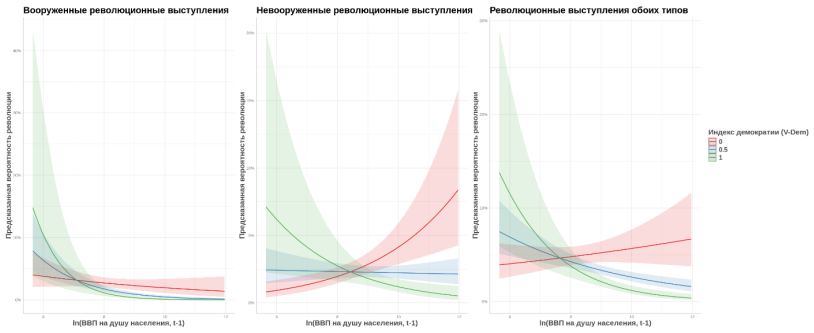
Основной задачей авторитарного государства в данном случае является искусственное поддержание низкого уровня жизни (но без тотальной нищеты, когда индивидам «нечего терять, кроме своих

1 С другой стороны, среди стран с высоким подушевым ВВП полные автократии (почти исключительно крайне богатые углеводородным сырьем исламские монархии) составляют небольшое меньшинство, а среди стран с очень низким ВВП на душу населения *консолидированные* демократии просто отсутствуют.

цепей») с одновременным представлением самого себя как единственного канала поддержки, заботы и зашиты от худшей участи.

Визуализацию зависимости между уровнем благосостояния, выраженном в виде ВВП на душу населения, и вероятностью революций в разных политических режимах изображена на Рисунке 2. Как мы можем убедиться, риски невооруженных революций в автократиях повышаются, а в демократиях и анократиях снижаются. Что касается вооруженных революций, то их вероятность с ростом ВВП на душу населения снижается во всех политических режимах, но особенно стремительно в демократиях и переходных режимах.

a) Для типов режимов по V-Dem

b) Для типов режимов по Polity

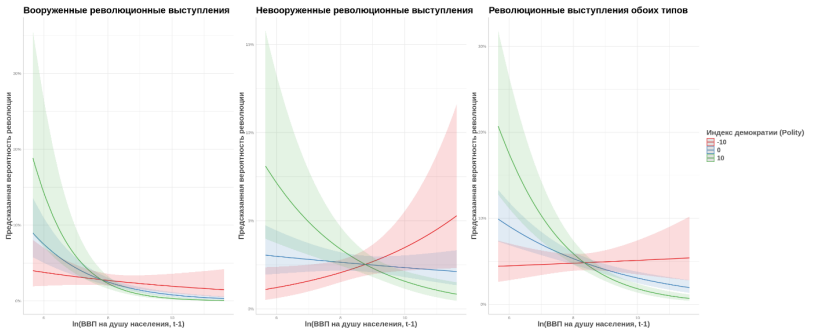

Рис. 2. Риски революционной дестабилизации в зависимости от уровня благосостояния в разных политических режимах
Fig. 2. Risks of revolutionary destabilization depending on the level of well-being in different political regimes
Примечание [условные обозначения]:
для типа режима по индексу V-Dem:

0 [красная линия] — закрытые [полные] автократии; 0,5 [синяя линия] — анократии [= электоральные/частичные автократии + электоральные/частичные демократии]; 1 [зеленая линия] — либеральные/полные демократии;
для типа режима по Polity:
-10 [красная линия] — закрытые [полные] автократии; 0 [синяя линия] — анократии [= частичные автократии + частичные демократии]; 1 [зеленая линия] — полные/консолидированные демократии.

Степень защищенности прав собственности авторы операционализируют при помощи индекса «Права собственности» (*Property rights*) V-Dem (V-Dem 2024), который в количественной форме отражает ответ на вопрос: «Обладают ли граждане правом на частную собственность?» Результаты логистической регрессии для редких событий (*rare events logistic regression*) также подтверждают вторую гипотезу (H2) о том, что с ростом демократии, рост защищенности права частной собственности снижает риски революционной дестабилизации — см. Таблицу 3. Тем самым в автократиях широкий класс частных собственников, чьи права гарантированы, является фактором развертывания революционных процессов, а в демократиях, наоборот, гарантия права частной собственности широким слоям населения амортизирует революционную активность.

Дополнительная валидация при помощи бинарных показателей для каждого типа режима (см. Таблицу B1 Приложения) подтверждает данные выводы — в полных и частичных автократиях гарантии частной собственности приводят к росту революционной активности, а в демократиях (полных, частичных и факциональных), наоборот, снижают вероятность начала революционных выступлений.

Таблица 3. Гарантия права частной собственности и риски революции в режимном контексте (логистическая регрессия для редких событий; зависимая переменная — революция)
Table 3. Guarantees of private property rights and the risks of revolution in a regime context (rare events logistic regression; dependent variable — revolution)

	С оценкой уровня демократии по V-Dem			С оценкой уровня демократии по Polity5		
	Воору-женная	Невоору-женная	Все	Воору-женная	Невоору-женная	Все
Intercept	-22,907***	-3,119	-3,227	-19,754**	8,353	1,770

	(8,046)	(7,923)	(6,140)	(8,607)	(9,022)	(6,914)
log (ВВП на душу) (t-1)	-0,136	-0,118	-0,008	-0,317	-0,581**	-0,319
	(0,214)	(0,234)	(0,169)	(0,252)	(0,276)	(0,205)
Индекс демократии (V-Dem) (t-1)	1,208	-0,274	0,577			
	(1,667)	(1,691)	(1,276)			
Индекс демократии (Polity) (t-1)				0,046	0,109**	0,070**
				(0,043)	(0,046)	(0,034)
Рост ВВП (t-1)	-0,013	-0,006	-0,014**	-0,006	-0,010	-0,011
	(0,008)	(0,010)	(0,007)	(0,009)	(0,012)	(0,008)
Революция в прошлом (t-1)	-0,319*	-0,560***	-0,423***	-0,525***	-0,781***	-0,661***
	(0,178)	(0,168)	(0,133)	(0,185)	(0,179)	(0,141)
log (Население) (t-1)	1,385***	-0,088	0,023	1,383***	-0,480	-0,041
	(0,472)	(0,446)	(0,352)	(0,495)	(0,498)	(0,387)
Защита частной собственности (t-1)	1,208	-0,274	0,577	0,046	0,109**	0,070**

	(1,667)	(1,691)	(1,276)	(0,043)	(0,046)	(0,034)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да
Защита частной собственности (t-1) × V-Dem (t-1)	-1,650	-3,690*	-2,725*			
	(2,129)	(2,094)	(1,594)			
Защита частной собственности (t-1) × Polity (t-1)				-0,052	-0,243***	-0,137***
				(0,064)	(0,064)	(0,049)
Наблюдения	8,555	8,555	8,555	7,295	7,295	7,295
AIC	1,957.7	2,311.0	3,418.1	1,750.1	1,996.2	2,957.6

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01
Стандартные ошибки в скобках

Данная зависимость обуславливается тем фактом, что широкий класс независимых от государства частных собственников может вступить в конфликт с авторитарными элитами на почве доступа к государственному и политическому управлению. Амбициозные и самодостаточные собственники могут не согласиться с подчиненным положением, которое им отводят авторитарные лидеры, и направить имеющиеся у них финансовые ресурсы на поддержку или даже создание оппозиционных структур. Подобного рода союз политических диссидентов и честолюбивых индивидов, обладающих значительными объемами частной собственности и финан-

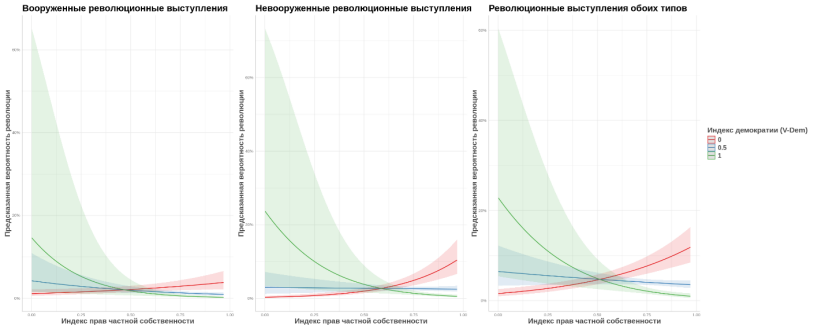
совых ресурсов, может стать основным политическим фактором, подтолкнувшим общество к революции.

Если в авторитарном государстве права частной собственности не защищены и легко подвергаются пересмотру волей политических элит, то в таком государстве владение чем-либо автоматически зависит от лояльности элитам, что исключает любые поползновения индивидов, обладающих собственностью, к борьбе против недемократического режима. Мало того, такие индивиды могут быть «большими роялистами, чем сам король», стоя на страже политического режима и тем самым добиваясь благосклонности авторитарных элит.

В демократиях ситуация обстоит прямо противоположным образом. Широкий класс независимых собственников является «становым хребтом» и главной опорой демократической системы, которая, с одной стороны, гарантирует их права, а с другой — предоставляет возможности для конвертации их финансовых ресурсов в политическую власть. Если же демократические системы начинают притеснять права собственников, пытаться их ограничивать или даже производить экспроприации, это значительно повышает социально-политическую напряженность, что может вылиться в революцию, как, например, в Чили, где экспроприации собственности стали одной из причин свержения президента Альенде (Edwards 2025).

Визуализация данной зависимости между степенью защиты частной собственности и рисками революции в разных политических режимах изображена на Рисунке 3. Как мы можем убедиться, вероятность всех типов революций (насильственных, ненасильственных и смешанных) по мере увеличения степени защищенности частной собственности повышается в автократиях и снижается в демократиях. В переходных режимах данный индикатор, если и оказывает влияние на вероятность революций, то крайне незначительное — на рисунке мы можем наблюдать практически плоскую линию для анократий.

a) Для типов режимов по V-Dem

b) Для типов режимов по Polity

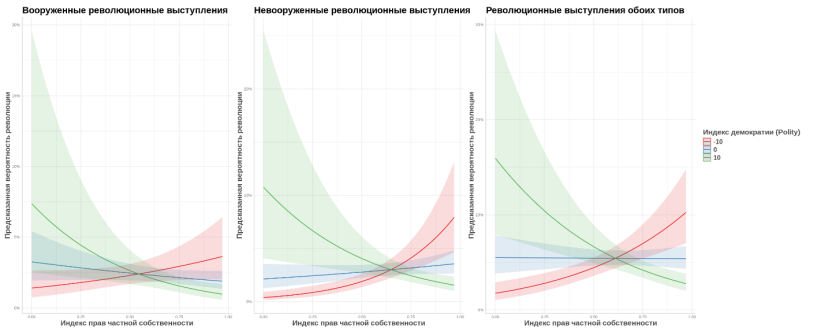

Рис. 3. Риски революционной дестабилизации в зависимости от уровня защиты частной собственности в разных политических режимах
Fig. 3. Risks of revolutionary destabilization depending on the level of protection of private property in different political regimes
Примечание [условные обозначения]:
для типа режима по индексу V-Dem:
0 [красная линия — закрытые [полные] автократии; 0,5 [синяя линия] — анократии [= электоральные/частичные автократии + электоральные/частичные демократии]; 1 [зеленая линия] — либеральные/полные демократии;
для типа режима по Polity:
-10 [красная линия] — закрытые [полные] автократии; 0 [синяя линия] — анократии [= частичные автократии + частичные демократии]; 1 [зеленая линия] — полные/консолидированные демократии.

Долю государства в экономике авторы операционализируют посредством индекса государственной собственности (*State ownership*

of economy index) V-Dem (V-Dem 2024), который показывает степень того, насколько государство владеет или напрямую контролирует важные сектора экономики. Статистическая оценка влияния этого индекса на вероятность революций в режимном контексте доказывает третью гипотезу (Н3) о том, что с ростом уровня демократии высокая доля государства в экономике увеличивает риски революционной активности — см. Таблицу 4.

Дополнительная валидация при помощи бинарных показателей для каждого типа режима (см. Табл. С1 Приложения) также демонстрирует схожий паттерн — в полных и частичных автократиях рост доли государства в экономике снижает риски революционной дестабилизации, а в разных типах демократий, наоборот, увеличивает.

Таблица 4. Доля государства в экономике и риски революции в режимном контексте (логистическая регрессия для редких событий; зависимая переменная — революция)
Table 4. The share of the state in the economy and the risks of revolution in a regime context (rare events logistic regression; dependent variable — revolution)

	С оценкой уровня демократии по V-Dem			С оценкой уровня демократии по Polity5		
	Воору-женная	Невоору-женная	Все	Воору-женная	Невоору-женная	Все
Intercept	-22,710***	-5,789	-5,380	-21,930**	1,612	-0,899
	(8,379)	(7,918)	(6,227)	(8,790)	(8,940)	(6,936)
Log (ВВП на душу населения) (t-1)	-0,130	-0,115	0,003	-0,352	-0,630**	-0,422**
	(0,214)	(0,234)	(0,169)	(0,252)	(0,277)	(0,206)
Доля госу-дарства в эконо-мике (t-1)	-0,221	-0,347**	-0,251**	-0,028	-0,154	-0,084
	(0,144)	(0,152)	(0,113)	(0,116)	(0,117)	(0,089)

Индекс демократии (V-Dem) (t-1)	0,020	-2,747***	-1,379***			
	(0,588)	(0,544)	(0,430)			
Индекс демократии (Polity) (t-1)				-0,00002	-0,053***	-0,026*
				(0,018)	(0,018)	(0,014)
Рост ВВП (t-1)	-0,014	-0,007	-0,015**	-0,007	-0,011	-0,012
	(0,008)	(0,010)	(0,007)	(0,009)	(0,012)	(0,008)
Революция в прошлом (t-1)	-0,347*	-0,635***	-0,468***	-0,512***	-0,879***	-0,699***
	(0,180)	(0,173)	(0,135)	(0,185)	(0,182)	(0,142)
log (Население) (t-1)	1,360***	0,129	0,175	1,475***	-0,078	0,124
	(0,489)	(0,442)	(0,355)	(0,509)	(0,496)	(0,391)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да
Доля государства в экономике (t-1) * V-Dem (t-1)	0,691*	0,594*	0,541*			
	(0,386)	(0,359)	(0,287)			

Доля государства в экономике (t-1) * Polity (t-1)				0,013	0,055***	0,037***
				(0,013)	(0,013)	(0,010)
Наблюдения	8,555	8,555	8,555	7,295	7,295	7,295
AIC	1,958.4	2,309.5	3,416.8	1,754.0	1,991.2	2,953.8

Примечание: * p < 0,1; ** p < 0,05; *** p < 0,01
Стандартные ошибки в скобках

Указанная зависимость объясняется тем фактом, что высокая государственная доля в экономике авторитарного режима усиливает контроль режима за жизнью граждан. Когда государство является «единственным работодателем» в обществе — индивиды менее склонны к участию в протестах или политических выступлениях из-за рисков подпасть под санкции — лишиться работы, навредить своей карьере или остаться без средств к существованию. Тем самым авторитарное государство может дополнительно контролировать поведение индивидов и гарантировать их лояльность посредством перераспределения благ — от менее лояльных индивидов к более лояльным, что гарантирует устойчивость политического режима к революциям.

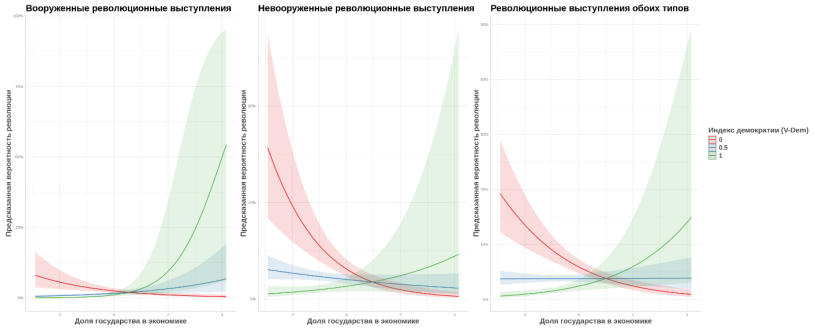
Но если в недемократическом государстве имеется значительный частный сектор («вторая экономика») — это позволяет индивидам существовать независимо от политического режима и не связывать свое экономическое положение с расположением политических элит. При условии, что авторитарные лидеры не способны «наказывать» граждан за оппозиционность или «поощрять» за лояльность посредством распределения благ на государственных предприятиях, они теряют важный рычаг давления на общество, что делает их режим более уязвимым к революционной дестабилизации.

В демократиях же, ровно наоборот — когда значительные отрасли экономики переданы в управление государственной бюрократии, это вызывает раздражение среди индивидов. Вследствие неэффективности подобного управления, сращивания административного аппарата и крупной собственности, расширяющейся монополизации — демократическая система сталкивается с ростом напряжен-

ности, которую она не может подавить авторитарными методами, что повышает риски революционной дестабилизации.

Графическое отображение данной зависимости представлено на Рисунке 4. Как следует из визуализации зависимости между уровнем проникновения государства в экономику и риском революционной дестабилизации в разных политических режимах, при росте доли государства в экономике демократий повышается вероятность всех типов революций, в автократиях же эта вероятность значительно снижается.

a) Для типов режимов по *V-Dem*

b) Для типов режимов по Polity

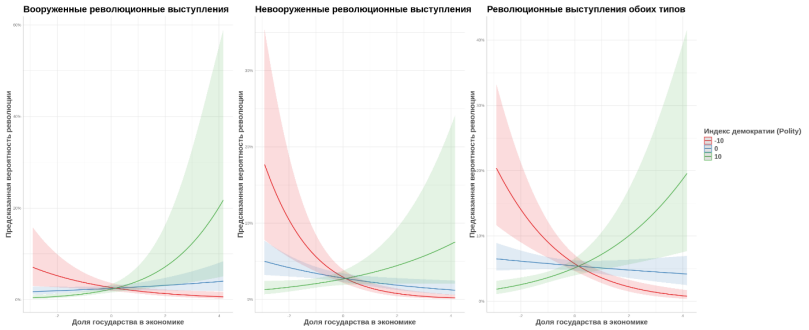

Рис. 4. Риски революционной дестабилизации в зависимости от доли государства в экономике в разных политических режимах
Fig. 4. Risks of revolutionary destabilization depending on the state's share in the economy in different political regimes
Примечание [условные обозначения]:
для типа режима по индексу V-Dem:

0 [красная линия] — закрытые [полные] автократии; 0,5 [синяя линия] — анократии [= электоральные/частичные автократии + электоральные/частичные демократии]; 1 [зеленая линия] — либеральные/полные демократии;
для типа режима по Polity:
-10 [красная линия] — закрытые [полные] автократии; 0 [синяя линия] — анократии [= частичные автократии + частичные демократии]; 1 [зеленая линия] — полные/консолидированные демократии.

Обсуждение результатов

Как мы могли увидеть выше, представители пятого поколения исследователей революций, рассматривая факторы революционной дестабилизации, столкнулись с множеством проблем. Значительно расширив номенклатуру революционных факторов, они, хотя и обогатили политическую науку, комплексно рассматривая причины революции, в то же время пришли к выводу о противоречивости и неоднозначности влияния большинства революционных факторов. Наиболее наглядно данную проблему можно наблюдать на примере «экономических» предикторов революций, которые в разных количественных исследованиях демонстрируют значительную переменчивость и порой прямо противоположное влияние на социально-политическую стабильность.

Одним из способов выявления причин указанной переменчивости является рассмотрение «экономических» факторов в режимном контексте по причине того, что политические режимы обладают специфическими институциональными конфигурациями, составными частями, способами поддержания своей легитимности, стратегиями выживания, взаимоотношениями с обществом, сильными и слабыми сторонами и уникальными целями. Все эти составные части политических режимов обеспечивают не только значимость уровня демократии как предиктора революции самого по себе, но и определяют роль многих других факторов разворачивания процессов революционной дестабилизации (Beissinger 2025; Goldstone 2001, pp. 149-150). В результате режимный контекст характеризуется не только прямым воздействием на вероятность возникновения революции, но и опосредованно оказывает воздействие на стабильность политической системы через определение направления и значимости влияния того или иного фактора революций (Gleditsch et al. 2021, pp. 23-29).

Посредством проведенного в рамках данного исследования статистического анализа разных аспектов «второй экономики» (т. е. наличии в государстве параллельных политической системе и независимых от нее экономических отношений) — уровня благосостояния

населения, степени защищенности частной собственности, доли государства в экономике, мы можем наблюдать, как одни и те же экономические индикаторы по-разному влияют на вероятность революционной дестабилизации в разных политических режимах.

Так, наличие в авторитарном государстве независимых экономических отношений, состоятельных индивидов, чьи права защищены (и они, как следствие, менее зависят от государства), является значимым фактором революционной дестабилизации по причине того, что такие индивиды обладают как мотивацией, так и необходимыми ресурсами для противостояния с авторитарными элитами. Стабилизируются же автократии в случае, если запросы, ожидания и экономические ресурсы индивидов ограничены и строго регулируются со стороны политической системы и могут быть обеспечены только посредством ее распределительных механизмов.

И наоборот, в демократиях защищенный и развитый класс собственников является важным амортизатором революционной активности и главной опорой демократической системы. Когда же эта система начинает нарушать права собственности, вторгаться в рыночную экономику или допускать распространение бедности и неравенства — она подвергает себя риску революционной дестабилизации, или, как еще называют этот процесс, — риску деконсолидации демократического режима.

Заключение

Проведенное нами исследование позволяет нам сделать следующие предварительные выводы:

1. Чем выше уровень благосостояния населения (операционализированный через подушевой ВВП), тем выше вероятность начала невооруженных революционных выступлений в автократиях и тем ниже она в демократических режимах. При этом применительно к рискам вооруженной революционной дестабилизации отрицательная корреляция с ВВП на душу населения наблюдается для всех типов режимов.
2. Чем более защищенными являются права частной собственности, тем более стабильными являются демократии и тем большему риску революционной дестабилизации подвергаются недемократические политические режимы. При этом наиболее выражена эта закономерность применительно к невооруженным революционным выступлениям.
3. Чем больше доля государства в экономике, тем меньше вероятность революции в автократиях (эта закономерность особенно выражена применительно к невооруженным революциям) и тем выше вероятность революции в демократиях.

Необходимо подчеркнуть, что первый из полученных нами выводов не противоречит результатам предыдущих исследований, показавших наличие перевернутой U-образной зависимости между подушевым ВВП и вероятностью невооруженной революционной дестабилизации. Из выявленной нами закономерности вытекает, что наиболее низкой вероятность начала невооруженных революционных выступлений является в бедных полных автократиях и богатых консолидированных демократиях. Между тем большинство консолидированных демократий приходится именно на страны с высоким подушевым ВВП, а полных автократий особенно много среди государств с низким ВВП на душу населения (в то время как *консолидированных* демократий среди стран с очень низким подушевым ВВП нет вообще). В итоге страны с наиболее и наименее низкими подушевыми доходами имеют наименьшие риски невооруженной революционной дестабилизации, что и дает эффект вышеописанной перевернутой U-образной зависимости.

Отметим, что полученные нами выводы, с одной стороны, позволяют упорядочить факторы революционной дестабилизации, внося свой вклад в устойчивую и робастную теорию революций, которая бы минимизировала противоречия и переменчивость при изменении дизайна количественного анализа, а с другой — позволяла бы строить робастные и адресные прогнозы революционной дестабилизации с учетом специфики разных политических режимов. Впоследствии в режимном контексте можно рассмотреть иные факторы революционной дестабилизации — политические, социальные, культурные, географические, международные и т. д. Однако это уже является материалом для будущих исследований.

Финансирование / Funding

Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ (HSE-BR-2025-48) в 2026 г.при поддержке Российского научного фонда (проект № 24-18-00650).

The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at HSE University (HSE-BR-2025-48) in 2026 with the support of the Russian Science Foundation (project No. 24-18-00650).

Список источников / References

Алмонд Г., Верба С. (2014) *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль.

— Almond G., Verba S. (2014) *Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries*. Moscow: Mysl. — in Russ.

Вайс Х. (2023) *Мы никогда не были средним классом. Как социальная мобильность вводит нас в заблуждение*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

— Weiss H. (2023) *We Have Never Been Middle Class: How Social Mobility Misleads Us*. Transl. by N. Protsenko; ed. by A. Smirnov. HSE Publishing House. — in Russ.

Голдстоун Дж. (2006) К теории революции четвертого поколения. *Логос*, (5), с. 58–103.

— Goldstone J. (2006) Towards the fourth generation of revolution theory. *Logos*, (5), pp. 58–103. — in Russ.

Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2022) Волны революций XXI столетия. *Полис. Политические исследования*, (4), с. 108–119. EDN: DVNOBB. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09.

— Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (2022) Waves of revolutions in the 21st century. *Polis. Political Studies*, (4), pp. 108–119. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.09. — in Russ.

Голдстоун Дж. А., Гринин Л. Е., Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2023) Революционные события XXI века: предварительный количественный анализ. *Полис. Политические исследования*, (4), pp. 54–71. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05.

— Goldstone J. A., Grinin L. E., Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2023) Revolutionary events of the 21st century: a preliminary quantitative analysis. *Polis. Political Studies*, (4), pp. 54–71. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.04.05. — in Russ.

Гринин Л., Коротаев А. (2014) Революция vs демократия (революция и контрреволюция в Египте). *Полис*, (3), с. 139–158. https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.09.

— Grinin L. E., Korotayev A. V. (2014) Revolution vs Democracy (Revolution and Counterrevolution in Egypt). *Polis-Politicheskiye issledovaniya*, (3), pp. 139–158. https://doi.org/10.17976/jpps/2014.03.09. — in Russ..

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Выборы, тип режима и риски революционной дестабилизации: опыт количественного анализа. *Социология власти*, 34(4), pp. 102–127. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-102-127.

— Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Elections, Regime Type and Risks of Revolutionary Destabilization. A Quantitative Analysis. *Sociology of Power*, 34(4), pp. 102–127. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-4-102-127. — in Russ.

Жданов А. И., Коротаев А. В. (2024) Инфляционное давление и революционная дестабилизация: оценка воздействия и сравнительный анализ. *Социология власти*, 36 (2), с. 113–141. EDN: NQBWZK. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-113-141.

— Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2024) Inflationary Pressure and Revolutionary Destabilization: Impact Assessment and Comparative Analysis. *Sociology of Power*, 36 (2), pp. 113–141. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-113-141. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2016) ВВП на душу населения, уровень протестной активности и тип режима: опыт количественного анализа. *Сравнительная политика*, 7(4), с. 72–94. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94.

— Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2016) GDP per capita, protest intensity and regime type: a quantitative analysis. *Sravnitelnaya Politika-Comparative Politics*, 7(4), pp. 72–94. https://doi.org/10.18611/2221-3279-2016-7-4(25)-72-94. — in Russ.

Коротаев А. В., Билюга С. Э., Шишкина А. Р. (2017) ВВП на душу населения, интенсивность антиправительственных демонстраций и уровень образования. Кросс-национальный анализ. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 1(84), с. 127–143. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143

— Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2017) GDP Per Capita, Intensity of Anti-Government Demonstrations and Level of Education. Cross-national Analysis. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 84(1), pp. 127–143. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2017-84-1-127-143. — in Russ.

Коротаев А., Васькин И., Билюга С. (2017) Гипотеза Олсона-Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение*, 16(1), с. 9–49. EDN: YKUXXJ. https://doi.org/10.17323/1728-192X2017-1-9-49.

— Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S. (2017) Olson-Huntington Hypothesis on a Bell-Shaped Relationship Between the Level of Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Quantitative Analysis. *Russian Sociological Review*, 16(1), pp. 9–49. https://doi.org/10.17323/1728-192X2017-1-9-49. — in Russ.

Коротаев А., Васькин И., Романов Д. (2019) Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение*, 18(3), с. 9–48. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-3-9-48.

— Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2019) Democracy and Terrorism: A Reanalysis. *Russian Sociological Review*, 18(3), pp. 9–48. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2019-3-9-48. — in Russ.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М. и др. (2017) *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы*. М.: Учитель.

— Korotayev A. V., Grinin L. E., Isaev L. M. и др. (2017) *Destabilization: global, national, natural factors and mechanisms*. Moscow: Uchitel. — in Russ.

Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Медведев И. А., Слав М. (2022) Типы политических режимов и риски революционной дестабилизации в XXI веке. *Социологическое обозрение*, 21(4), с. 9–65. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-9-65.

— Korotayev A., Grinin L., Medvedev I., Slav M. (2022) Political Regime Types and Revolutionary Destabilization Risks in the Twenty-First Century. *Russian Sociological Review*, 21(4), pp. 9–65. https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-2-9-65. — in Russ.

Коротаев А., Гринин Л., Устюжанин В. (2024) База данных по революционным событиям XXI века. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2024622477, 05.06.2024. Заявка № 2024622215 от 31.05.2024. https://elibrary.ru/item.asp?id=67982065. Размещена в сети Интернет по адресу https://social.hse.ru/mr/rev_bd.

— Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2024) Database of revolutionary events of the 21st century. Database registration certificate RU 2024622477, 05.06.2024. Application No. 2024622215 dated 31.05.2024. https://elibrary.ru/item.asp?id=67982065. Posted on the Internet at https://social.hse.ru/mr/rev_bd. — in Russ.

Коротаев А., Гринин Л., Устюжанин В., Файн Е. (2025) Пятое поколение исследований революции. Систематический обзор. *Логос*, 35(1), с. 191–316. EDN: RFTSEX. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-1-193-296.

— Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. (2025) The Fifth Generation of Revolution Studies. A Systematic Review. *Logos*, 35(1), pp. 191–316. https://doi.org/10.17323/0869-5377-2025-1-193-296. — in Russ.

Коротаев А. В., Исаев Л. М., Васильев А. М. (2015) Количественный анализ революционной волны 2013–2014 гг. *Социологические исследования*, (8), с. 119–127. EDN: UFZJFZ.

— Korotayev A., Isaev L., Vasilev A. (2015) Quantitative Analysis of 2013-2014 Revolutionary Wave. *Sociological Studies*, (8), pp. 119–127. — in Russ.

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023а) Количественный анализ политических факторов революционной дестабилизации. Опыт систематического обзора. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, (3), с. 149–171. EDN: NAZUCB. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171.

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023a) Quantitative analysis of political factors of revolutionary destabilization. A systematic review. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 108(1), pp. 64–87. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-110-3-149-171. — in Russ.

Коротаев А. В., Жданов А. И. (2023б) Количественный анализ экономических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Социология власти*, 35(1), с. 118–159. EDN: VKRMWA. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-118-159.

— Korotayev A. V., Zhdanov A. I. (2023b) A Quantitative Analysis of Economic Factors of Revolutionary Destabilization: Results and Prospects. *Sociology of Power*, 35(1), pp. 118–159. https://doi.org/10.22394/2074-0492-2023-1-118-159. — in Russ.

Коротаев А. В., Медведев И. А., Зинькина Ю. В. (2024) К ранжированию факторов крупномасштабной вооруженной политической дестабилизации в странах Африки методами машинного обучения. *История и современность*, (3), с. 45–68. https://doi.org/10.30884/iis/2024.03.03.

— Korotayev A. V., Medvedev I. A., Zinkina J. V. (2024) Towards Ranking Factors of Large-Scale Armed Political Destabilization in African Countries Using Machine Learning Methods. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity*, (3), pp. 45–68. https://doi.org/10.30884/iis/2024.03.03. — in Russ.

Коротаев А. В., Мусиева Д. М., Жданов А. И. (2024) Количественный анализ социально-демографических факторов революционной дестабилизации: результаты и перспективы. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 27(3), pp. 106–145. EDN: HMHOAS. https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.4.

— Korotayev A., Musieva J., Zhdanov A. (2024) Quantitative analysis of socio-demographic factors of revolutionary destabilization: results and prospects. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii = The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 27(3), pp. 106–145. https://doi.org/10.31119/jssa.2024.27.3.4. — in Russ.

Коротаев А. В., Слинько Е. В., Шульгин С. Г., Билюга С. Э. (2016) Промежуточные типы политических режимов и социально-политическая нестабильность. Опыт количественного кросс-национального анализа. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, 3 (82), с. 31–52. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-31-51.

— Korotayev A., Slinko E., Shulgin S., Biluga S. (2016) Intermediate Types of Political Regimes and Socio-Political Instability (Quantitative Cross-National Analysis). *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 82(3), pp. 31–51. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2016-82-3-31-51. — in Russ.

Коротаев А. В., Сойер П. С., Гринин Л. Е., Шишкина А. Р., Романов Д. М. (2020) Социально-экономическое развитие и антиправительственные протесты в свете новых результатов количественного анализа глобальных баз данных. *Социологический журнал*, 26(4), с. 61–78. EDN: SCFFFV. https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642.

— Korotayev A., Sawyer P., Grinin L., Romanov D., Shishkina A. (2020) Socioeconomic development and anti-government protests in light of a new quantitative analysis of global databases. *Sociological Journal*, 26(4), pp. 61–78. https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.4.7642. — in Russ.

Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Балтач А. А. (2019) Относительная депривация как фактор социально-политической дестабилизации: опыт количественного анализа. *Полис. Политические исследования*, (2), с. 107–122. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.08.

— Korotayev A. V., Shishkina A. R., Baltach A. A. (2019) Relative Deprivation as a Factor of Socio-Political Destabilization: Towards the Quantitative Analysis of the Arab Spring. *Polis. Political Studies*, (2), pp. 107–122. https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.08. — in Russ.

Медведев И. А., Коротаев А. В. (2021) Структурные факторы мирной и вооруженной революционной смены власти: опыт анализа методами машинного обучения. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12, с. 145–189.

— Medvedev I. A., Korotaev A. V. (2021) Structural factors of peaceful and armed revolutionary change of power: an experience of analysis using machine learning methods. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 12, pp. 145–189. — in Russ.

Медведев И. А., Устюжанин В. В., Жданов А. И., Коротаев А. В. (2022) Применение методов машинного обучения для ранжирования факторов и прогнозирования невооруженной и вооруженной революционной дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13, с. 131–210. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_06.

— Medvedev I. A., Ustyuzhanin V. V., Zhdanov A. I., Korotayev A. V. (2022) Application of machine learning methods to rank factors and predict unarmed and armed revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 13, pp. 131–210. DOI: 10.30884/978-5-7057-6184-5_06. — in Russ.

Мухаев Р., Жданов А. (2023) *Демократический транзит: траектория и модели политической трансформации*. М.: ИНФРА-М.

— Mukhaev R., Zhdanov A. (2023) *Democratic Transition: Trajectory and Models of Political Transformation*. INFRA-M. — in Russ.

Руссо Ж.-Ж. (1998) *Об общественном договоре*. М.: Канон-Пресс.

— Russo J.-J. (1998) *On the Social Contract*. Moscow: Canon Press. — in Russ.

Слав М., Коротаев А. В. (2021) К регрессионному анализу рисков революционной дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности в XXI веке. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 12, с. 219–241.

— Slav M., Korotayev A. V. (2021) Towards a regression analysis of the risks of revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability in the 21st century. *Systemic monitoring of global and regional risks*, 12, pp. 219–241. — in Russ.

Устюжанин В. В., Жодзишская П. А., Коротаев А. В. (2022) Демографические факторы как предикторы революционных ситуаций: Опыт количественного анализа. *Социологический журнал*, 28(4), с. 34–59. https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314.

— Ustyuzhanin V., Zhodzishskaya P., Korotayev A. (2022) Demographic Factors as Predictors of Revolutionary Situations: Experience in Quantitative Analysis. *Sociological Journal*, 28(4), pp. 34–59. https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.4.9314. — in Russ.

Устюжанин В. В., Коротаев А. В. (2022) Регрессионное моделирование вооруженной и невооруженной революционной дестабилизации в афразийской макрозоне нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков*, 13, с. 211–244. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07.

— Ustyuzhanin V. V., Korotayev A. V. (2022) Regression modeling of armed and unarmed revolutionary destabilization in the Afrasian macrozone of instability. *Sistemnyi Monitoring Globalnyh i Regionalnyh Riskov = Systemic Monitoring of Global and Regional Risks*, 13, pp. 211–244. https://doi.org/10.30884/978-5-7057-6184-5_07. — in Russ.

Устюжанин В. В., Медведев И. А., Уфимцев А. А., Гринин Л. Е., Коротаев А. В. (2025) Факторы начала невооруженных революционных выступлений: опыт

комплексного анализа. *Социологическое обозрение*, 24 (1), с. 71–105. https://doi.org/10.17323/1728-192X-2025-1-71-105.

— Ustyuzhanin V., Medvedev I., Ufimtsev A., Grinin L., Korotayev A. (2025) Factors of nonviolent revolutions' onset: a comprehensive analysis. *Russian Sociological Review*, 24(1), 71–105. https://doi.org/10.17323/1728-192X-2025-1-71-105. — in Russ.

Устюжанин В. В., Михеева В. А., Сумерников И. А., Коротаев А. В. (2023) Экономические истоки революций: связь между ВВП и рисками революционных выступлений. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*, 1(108), с. 64–87. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87.

— Ustyuzhanin V., Mikheeva V., Sumernikov E., Korotayev A. (2023) Economic Origins of Revolutions: the link between GDP and revolutionary risks. *Politeia-Journal of Political Theory, Political Philosophy and Sociology of Politics*, 108(1), pp. 64–87. https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-108-1-64-87. — in Russ.

Устюжанин В. В., Файн Е. Д., Коротаев А. В. (2025) Влияние экономического неравенства на вероятность революционных событий: международный опыт 1995–2021 гг. *Экономическая социология*, 26(1), с. 52–89. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-1-52-89.

— Ustyuzhanin V., Fain E., Korotayev A. (2025) Impact of Economic Inequality on the Probability of Revolutionary Events: The World Experience from 1995 to 2021. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 26(1), pp. 52–89. https://doi.org/10.17323/1726-3247-2025-1-52-89. — in Russ.

Шумпетер Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика.

— Schumpeter J. (1995) *Capitalism, Socialism and Democracy*. Moscow: Ekonomika. — in Russ.

Ackerman P., Kruegler C. (1993) *Strategic nonviolent conflict: The dynamics of people power in the twentieth century*. Westport, CT: Praeger.

Albrecht H., Koehler K. (2020) Revolutionary Mass Uprisings in Authoritarian Regimes. *International Area Studies Review*, 23(2), pp. 135–159. https://doi.org/10.1177/2233865920909611.

Arendt H. (2016) *On Revolution*. London: Faber & Faber.

Beissinger M. R. (2022) *The Revolutionary City: Urbanization and the Global Transformation of Rebellion*. Princeton, NJ: Princeton University Press. https://doi.org/10.2307/j.ctv2175r9q.

Beissinger M. R. (2025) The Evolving Study of Revolution. *World Politics*, 77(1), pp. 235–246. https://doi.org/10.1353/wp.0.a920225.

Besançon M. L. (2005) Relative Resources: Inequality in Ethnic Wars, Revolutions, and Genocides. *Journal of Peace Research*, 42(4), pp. 393–415. https://doi.org/10.1177/0022343305054086.

Butcher C., Svensson I. (2016) Manufacturing Dissent: Modernization and the Onset of Major Nonviolent Resistance Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 60(2), pp. 311–339. https://doi.org/10.1177/0022002714541843.

Edwards P. (2021) The politics of nonviolent mobilization: Campaigns, competition, and social movement resources. *Journal of Peace Research*, 58(5), pp. 945–961. https://doi.org/10.1177/0022343320958456.

Chenoweth E., Shay C. W. (2020) *List of Campaigns in NAVCO 1.3*. Cambridge, MA: Harvard Dataverse. https://doi.org/10.7910/DVN/ON9XND.

Chenoweth E., Shay C. W. (2022) Updating nonviolent campaigns: Introducing NAVCO 2.1. *Journal of Peace Research*, 59(6), pp. 876–889. https://doi.org/10.1177/00223433221092938.

Chenoweth E., Stephan M. J. (2011) *Why civil resistance works: The strategic logic of nonviolent conflict*. New York, NY: Columbia University Press.

Chenoweth E., Ulfelder J. (2017) Can Structural Conditions Explain the Onset of Nonviolent Uprisings? *Journal of Conflict Resolution,* 61(2), pp. 298–324. https://doi.org/10.1177/0022002715576574.

Cincotta R., Weber H. (2021) Youthful age structures and the risks of revolutionary and separatist conflicts. In: A. Goerres & P. Vanhuysse (Eds.), *Global political demography: Comparative analyses of the politics of population change in all world regions* (pp. 57–92). Cham: Palgrave. https://doi.org/10.1007/978-3-030-73065-9.

Davies J. C. (1962) Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review*, 27(1), pp. 5–19. https://doi.org/10.2307/2089714.

Edwards S. (2025) Expropriation Without Compensation: Copper in Chile, 1970–1973. *The World Economy*, 48(6), pp. 1237–1250. https://doi.org/10.1111/twec.13697.

Fox J. (2004) The Rise of Religious Nationalism and Conflict: Ethnic Conflict and Revolutionary Wars, 1945–2001. *Journal of Peace Research*, 41(6), pp. 715–731.

Gleditsch K., Dahl M., Gates S., González B. (2021) Accounting for Numbers: Group Characteristics and the Choice of Violent and Nonviolent Tactics. *The Economics of Peace and Security Journal*, 16(1), pp. 1–49. https://doi.org/10.15355/epsj.16.1.5.

Gleditsch K., Rivera M. (2017) The Diffusion of Nonviolent Campaigns. *Journal of Conflict Resolution*, 61(5), pp. 1120–1145. https://doi.org/10.1177/0022002715603101

Goldstone J. A. (2001) Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory'. *Annual Review of Political Science*, 4(1), pp. 139–187. https://doi.org/10.1146/annurev.polisci.4.1.139.

Goldstone J. A. (2003) Comparative Historical Analysis and Knowledge Accumulation in the Study of Revolutions // In: J. Mahoney, D. Rueschemeyer (Eds.), *Comparative Historical Analysis in the Social Sciences*. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511803963.003.

Goldstone J. A. (2014) *Revolutions: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.

Goldstone J. A., Bates R. H., Epstein D. L. et al. (2010) A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science*, 54(1), pp. 190–208. https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2009.00426.x.

Goodwin J., Jasper J. M. (2004) *Rethinking Social Movements: Structure, Meaning, and Emotion*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield Publishers.

Grinin L., Korotayev A. (2016) Revolution and Democracy: Sociopolitical Systems in the Context of Modernization. *Central European Journal of International and Security Studies*, 10(3), pp. 110–131.

Grinin L., Korotayev A. (2022) Revolutions, Counterrevolutions, and Democracy // In: Goldstone J. A., Grinin L., Korotayev A. (Eds.), *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (pp. 105–136). Cham: Springer Nature. https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_4.

Grinin L., Korotayev A. (2024a) Discussion Among the Fifth-Generation Circle. A rejoinder to Mark Beissinger, Daniel Ritter, Valentine Moghadam, Egor Fain, and Alisa Shishkina. *Critical Sociology*, 50(6), pp. 1109–1141. https://doi.org/10.1177/08969205241254125.

Grinin L., Korotayev A. (2024b) Is the Fifth Generation of Revolution Studies Still Coming? *Critical Sociology*, 50(6), pp. 1039–1067. https://doi.org/10.1177/08969205241245215.

Gurr T. R. (1970) *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Haerpfer C. W., ed. (2009) *Democratization*. Oxford: Oxford University Press.

Hayek F. A. von. (2013) *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*. Milton Park: Taylor and Francis.

Huntington S. P. (1968) *Political order in changing societies*. New Haven, CT: Yale University Press.

Jakli L., Fish S., Wittenberg J. (2009) A Decade of Democratic Decline and Stagnation (pp. 267–-283) In: Haerpfer C. W. (Eds.) *Democratization*. Oxford University Press.

Kadivar M. A., Ketchley N. (2018) Sticks, Stones, and Molotov Cocktails: Unarmed Collective Violence and Democratization. *Socius: Sociological Research for a Dynamic World*, 4, pp. 1–16. https://doi.org/10.1177/2378023118773614.

Keller F. (2012) (Why) Do Revolutions Spread? Paper presented at the Annual Meeting of the American Political Science Association. August 2012. http://dx.doi.org/10.13140/RG.2.1.1526.9284.

Knight J., Sened I., eds. (1995) *Explaining Social Institutions*. Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Knutsen C. H. (2014) Income Growth and Revolutions: Income Growth and Revolutions'. *Social Science Quarterly*, 95(4), pp. 920–937. https://doi.org/10.1111/ssqu.12081.

Korotayev A., Bilyuga S., Shishkina A. (2018) GDP Per Capita and Protest Activity: A Quantitative Reanalysis. *Cross-Cultural Research*, 52(4), pp. 406–440. https://doi.org/10.1177/1069397117732328.

Korotayev A., Grinin L., Bilyuga S., Meshcherina K., Shishkina A. (2017) Economic Development, Sociopolitical Destabilization and Inequality. *Russian Sociological Review*, 16(3), pp. 30–57. https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-9-35.

Korotayev A., Grinin L., Ustyuzhanin V., Fain E. (2025) The Fifth Generation of Revolution Studies. Part I: When, Why, and How Did It Emerge. *Critical Sociology*, 51(2), pp. 257–82. https://doi.org/10.1177/08969205241300596.

Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. (2015) Center-periphery dissonance as a possible factor of the revolutionary wave of 2013–2014: A cross-national analysis. *Cross-Cultur-*

al Research, 49(5), pp. 461–488. https://doi.org/10.1177/1069397115595374.

Korotayev A. V., Sawyer P. S., Romanov D. M. (2021) Socio-economic development and protests: A quantitative reanalysis. *Comparative Sociology*, 20(2), pp. 195–222. https://doi.org/10.1163/15691330-bja10030.

Korotayev A., Shishkina A. (2020) Relative Deprivation as a Factor of Sociopolitical Destabilization: Toward a Quantitative Comparative Analysis of the Arab Spring Events. *Cross-Cultural Research*, 54(2–3), pp. 296–318. https://doi.org/10.1177/1069397119882364.

Korotayev A., Shishkina A. (2024) Arab Spring, its Aftermath, and James Davies' Inverted J-Curve. *Critical Sociology*, 50(1), pp. 177–182 https://doi.org/10.1177/08969205231200490.

Korotayev A., Ustyuzhanin V., Grinin L., Fain E. (2025) The fifth generation of revolution studies. Part II: A systematic review of substantive findings (Revolution Causes, Forms, and Waves). *Critical Sociology*, 51(3), pp. 429–450. https://doi.org/10.1177/08969205241300595.

Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Ilyin I. (2018) Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics*, 9(1), pp. 59–118. https://doi.org/10.21237/c7clio9137314.

Korotayev A., Vaskin I., Romanov D. (2021) Terrorism and Democracy. A Reconsideration. *Comparative Sociology*, 20(3), pp. 344–379. https://doi.org/10.1163/15691330-bja10033.

Korotayev A., Zhdanov A. (2022) Factors of Deconsolidation of the Liberal Democracy Regime. The Case of the United States of America. *Cliodynamics*, 13, pp. 1–34. https://doi.org/10.21237/C7CLIO13054207.

Korotayev A., Zhdanov A., Grinin L., Ustyuzhanin V. (2025) Revolution and Democracy in the Twenty-First Century. *Cross-Cultural Research*, 59(2), pp. 180–215. https://doi.org/10.1177/10693971241245862.

Kurzman C. (2003) The Poststructuralist Consensus in Social Movement Theory (pp. 111–121). In: Goodwin J., & and Jasper J. (Eds.) *Rethinking Social Movements: Structure, Meaning, and Emotion*. Rowman & Littlefield.

Lawson G. (2016) Within and Beyond the "Fourth Generation" of Revolutionary Theory. *Sociological Theory*, 34(2), pp. 106–127. https://doi.org/10.1177/0735275116649221.

Lawson G. (2019) Anatomies of Revolution. Cambridge: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/9781108697385.

Lipset S. M. (1981) *Political man: The social bases of politics*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.

Polity5. (2022) Polity5: Regime Authority Characteristics and Transitions Datasets. http://www.systemicpeace.org/inscrdata.html.

Shaheen S. (2015) *Social Uprisings: Conceptualization, Measurement, Causes and Implications.* Marburg: Philipps-University of Marburg. https://doi.org/10.17192/Z2015.0216.

UN Population Division. (2025) *UN Population Division Database*. New York, NY: United Nations. https://population.un.org/wpp/downloads

Ustyuzhanin V., Korotayev A., Semichev D. (2024) *Codebook for Revolutions Dataset, V1.1.* Moscow: HSE University. https://social.hse.ru/mr/rev_bd

V-Dem. (2024) The V-Dem Dataset. https://www.v-dem.net/data/the-v-dem-dataset/.

Walter B. F. (2022) *How civil wars start*. New York, NY: Crown.

Wimmer A., Cederman L.-E., Min B. (2009) Ethnic Politics and Armed Conflict: A Configurational Analysis of a New Global Data Set. *American Sociological Review*, 74(2), pp. 316–337. https://doi.org/10.1177/000312240907400208.

World Bank. (2025) *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. http://data.worldbank.org/indicator/.

Об авторах / About the authors

Жданов Андрей Игоревич — м.н.с., Центр изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (Москва, Россия). Научные интересы: политическая социология, социология революции, социально-политическая дестабилизация, вычислительные социальные науки, политическая эволюция, популизм, демократический транзит, демократическая деконсолидация.

https://orcid.org/0000-0002-4492-7903. E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Andrew I. Zhdanov — Junior Researcher, Center for Stability and Risk Studies, HSE University; Ph.D. Student, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia). Research interests: political sociology, sociology of revolution, socio-political destabilization, computational social sciences, political evolution, populism, democratic transition, democratic deconsolidation.

https://orcid.org/0000-0002-4492-7903. E-mail: andreizhdanov998@gmail.com

Коротаев Андрей Витальевич — д.и.н., директор, Центр изучения стабильности и рисков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; г.н.с., Институт Африки РАН (Москва, Россия). Научные интересы: политическая социология, политическая демография, социология революции, социально-политическая дестабилизация, прогнозирование, вычислительные социальные науки, социальная эволюция, универсальная эволюция, Большая история.

https://orcid.org/0000-0003-3014-2037. E-mail: akorotayev@gmail.com

Andrey V. Korotayev — Doctor of Historical Sciences, Director, Center for Stability and Risk Studies, HSE University; Chief Researcher, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). Research interests: political sociology, political demography, sociology of revolution, socio-political destabilization, forecasting, computational social sciences, social evolution, universal evolution, Big History.

https://orcid.org/0000-0003-3014-2037. E-mail: akorotayev@gmail.com

Приложение

Appendix

Таблица A1. Уровень благосостояния и риски революции в разбивке по политическим режимам (V-Dem)
Table A1. Welfare and Revolution Risks by Political Regime (V-Dem)

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная — революция					
	Violent	Nonviolent	All	Violent	Nonviolent	All
Intercept	-3.814	-1.926	-9.294	-12.207	3.474	2.733
	(13.519)	(11.813)	(10.208)	(8.887)	(8.143)	(6.530)
$\ln(GDPpercapita)_{t-1}$	-1.319	0.343	1.018	-0.234	0.085	0.029
	(0.806)	(0.715)	(0.669)	(0.251)	(0.261)	(0.192)
Closed autocracy$_{t-1}$	-8.393	5.399	12.027*			
	(7.646)	(6.935)	(6.595)			
Electoral autocracy$_{t-1}$	-10.934	5.894	10.547	-2.540	0.495	-1.480
	(7.564)	(6.863)	(6.542)	(1.592)	(1.759)	(1.257)
Electoral democracy$_{t-1}$	-4.864	9.283	15.630**	3.530	3.884*	3.603**
	(7.508)	(6.816)	(6.511)	(2.314)	(2.102)	(1.661)
Liberal democracy$_{t-1}$				8.393	-5.399	-12.027*
				(7.646)	(6.935)	(6.595)
GDP growth$_{t-1}$	-0.015*	-0.010	-0.017**	-0.015*	-0.010	-0.017**
	(0.009)	(0.011)	(0.007)	(0.009)	(0.011)	(0.007)
Revolution last 20 years$_{t-1}$	-0.443**	-0.697***	-0.538***	-0.443**	-0.697***	-0.538***
	(0.184)	(0.171)	(0.136)	(0.184)	(0.171)	(0.136)
$\ln(Population)_{t-1}$	0.754	-0.568	-0.356	0.754	-0.568	-0.356
	(0.528)	(0.470)	(0.383)	(0.528)	(0.470)	(0.383)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да
$\ln(GDPpercapita)_{t-1}\times$ Closed autocracy$_{t-1}$	1.085	-0.258	-0.989			
	(0.800)	(0.704)	(0.665)			
$\ln(GDPpercapita)_{t-1}\times$ Electoral autocracy$_{t-1}$	1.437*	-0.325	-0.796	0.352*	-0.068	0.193
	(0.789)	(0.692)	(0.657)	(0.203)	(0.214)	(0.157)
$\ln(GDPpercapita)_{t-1}\times$ Electoral democracy$_{t-1}$	0.682	-0.811	-1.453**	-0.403	-0.553**	-0.464**
	(0.778)	(0.683)	(0.651)	(0.282)	(0.249)	(0.199)
$\ln(GDPpercapita)_{t-1}\times$ Liberal democracy$_{t-1}$				-1.085	0.258	0.989
				(0.800)	(0.704)	(0.665)
Observations	8,555	8,555	8,555	8,555	8,555	8,555
Log Likelihood	-737.314	-919.430	-1,462.381	-737.314	-919.430	-1,462.381
Akaike Inf. Crit.	1,954.627	2,318.861	3,404.763	1,954.627	2,318.861	3,404.763

Примечание: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01
Стандартные ошибки в скобках

Таблица B1. Защита частной собственности и риски революции в разбивке по политическим режимам (Polity)
Table B1. Protection of private property and risks of revolution by political regime (Polity)

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная — революция					
	Violent	Nonviolent	All	Violent	Nonviolent	All
Intercept	-21.420**	10.721	2.686	-19.260**	14.033	5.970
	(8.650)	(8.993)	(6.926)	(8.672)	(9.221)	(7.058)
Свобода частной собственности$_{t-1}$	-1.862*	-2.980**	-2.190**	-2.104***	0.275	-0.874
	(1.091)	(1.252)	(0.866)	(0.798)	(0.745)	(0.577)
Full autocracy$_{t-1}$	-0.110	-0.911	-0.477			
	(0.658)	(0.943)	(0.586)			
Partial autocracy$_{t-1}$	-0.255	-0.120	-0.311	-0.127	0.893	0.140
	(0.876)	(1.041)	(0.721)	(0.709)	(0.723)	(0.553)
Partial democracy fractional$_{t-1}$	-0.239	-0.290	-0.308	-0.115	0.884	0.258
	(0.761)	(1.006)	(0.654)	(0.571)	(0.659)	(0.468)
Full democracy$_{t-1}$				2.801	6.527	3.869
				(4.159)	(4.438)	(4.136)
GDP growth$_{t-1}$	-0.009	-0.012	-0.015*	-0.010	-0.010	-0.015*
	(0.009)	(0.011)	(0.008)	(0.009)	(0.011)	(0.008)
ln($GDPpercapita$)$_{t-1}$	-0.318	-0.601**	-0.358*	-0.363	-0.534*	-0.336
	(0.255)	(0.278)	(0.207)	(0.252)	(0.279)	(0.205)
Revolutions last 20 years$_{t-1}$	-0.537***	-0.826***	-0.673***	-0.527***	-0.888***	-0.703***
	(0.185)	(0.179)	(0.141)	(0.184)	(0.179)	(0.141)
ln($Population$)$_{t-1}$	1.405***	-0.656	-0.140	1.289**	-0.970*	-0.394
	(0.501)	(0.502)	(0.392)	(0.506)	(0.520)	(0.404)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да
Свобода частной собственности$_{t-1}$ × Full autocracy$_{t-1}$	-0.526	3.143**	1.100			
	(1.073)	(1.350)	(0.907)			
Свобода частной собственности$_{t-1}$ × Partial autocracy$_{t-1}$	0.194	2.721*	1.489	0.461	-0.466	0.373
	(1.440)	(1.541)	(1.138)	(1.196)	(1.134)	(0.895)
Свобода частной собственности$_{t-1}$ ×Partial Democracy and factional Dem.$_{t-1}$	0.461	1.360	0.783	0.759	-2.066**	-0.561
	(1.157)	(1.362)	(0.949)	(0.899)	(0.952)	(0.701)
Свобода частной собственности$_{t-1}$ × Full democracy$_{t-1}$				-3.200	-9.986**	-5.784
				(4.766)	(5.001)	(4.640)
Observations	7,342	7,342	7,342	7,342	7,342	7,342
Log Likelihood	-657.688	-776.634	-1,266.823	-658.708	-774.446	-1,264.052
Akaike Inf. Crit.	1,769.376	2,007.269	2,987.645	1,771.416	2,002.891	2,982.103

Примечание: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01
Стандартные ошибки в скобках

Таблица C1. Доля государства в экономике и риски революции в разбивке по политическим режимам (Polity)
Table C1. The share of the state in the economy and the risks of revolution by political regime (Polity)

Rare Event Logistic Regression Model

	Зависимая переменная — революция					
	Violent	Nonviolent	All	Violent	Nonviolent	All
Intercept	-23.989***	3.881	-0.685	-19.433**	9.718	4.435
	(8.752)	(9.035)	(6.919)	(8.995)	(9.379)	(7.182)
Доля гос-ва в экономике$_{t-1}$	0.096	0.283	0.219	0.005	-0.372***	-0.185*
	(0.231)	(0.292)	(0.196)	(0.124)	(0.140)	(0.099)
Full autocracy$_{t-1}$	-0.337	1.129***	0.218			
	(0.311)	(0.425)	(0.269)			
Partial autocracy$_{t-1}$	-0.285	1.473***	0.412	-0.043	0.469*	0.217
	(0.351)	(0.444)	(0.293)	(0.271)	(0.251)	(0.201)
Fractional democracy$_{t-1}$	-0.011	0.709	0.172	0.239	-0.273	-0.032
	(0.341)	(0.452)	(0.292)	(0.251)	(0.258)	(0.196)
Partial democracy$_{t-1}$	-0.312	0.681	-0.040	-0.062	-0.322	-0.227
	(0.395)	(0.484)	(0.325)	(0.321)	(0.311)	(0.242)
Full democracy$_{t-1}$				0.129	-2.570***	-1.279**
				(0.668)	(0.781)	(0.571)
GDP growth$_{t-1}$	-0.010	-0.012	-0.015**	-0.012	-0.010	-0.015*
	(0.009)	(0.012)	(0.008)	(0.009)	(0.011)	(0.008)
$\ln(GDPpercapita)_{t-1}$	-0.313	-0.706**	-0.447**	-0.354	-0.475*	-0.358*
	(0.255)	(0.280)	(0.207)	(0.252)	(0.281)	(0.206)
Revolutions last 20 years$_{t-1}$	-0.523***	-0.937***	-0.710***	-0.526***	-1.042***	-0.778***
	(0.186)	(0.183)	(0.142)	(0.186)	(0.186)	(0.144)
$\ln(Population)_{t-1}$	1.527***	-0.284	0.052	1.249**	-0.710	-0.307
	(0.509)	(0.506)	(0.393)	(0.528)	(0.530)	(0.413)
Фиксированные эффекты на страну и год	да	да	да	да	да	да
Доля гос-ва в экономике$_{t-1}$ × Full autocracy$_{t-1}$	-0.062	-0.688**	-0.441**			
	(0.253)	(0.308)	(0.212)			
Доля гос-ва в экономике$_{t-1}$ × Partial autocracy$_{t-1}$	-0.142	-0.630*	-0.504*	-0.062	-0.064	-0.138
	(0.326)	(0.349)	(0.258)	(0.251)	(0.230)	(0.185)
Доля гос-ва в экономике$_{t-1}$ × Fractional democracy$_{t-1}$	-0.050	-0.076	-0.084	0.066	0.538**	0.335**
	(0.293)	(0.322)	(0.232)	(0.227)	(0.215)	(0.168)
Доля гос-ва в экономике$_{t-1}$ × Partial democracy$_{t-1}$	-0.323	0.019	-0.186	-0.197	0.685***	0.270
	(0.319)	(0.349)	(0.254)	(0.261)	(0.256)	(0.200)
Доля гос-ва в экономике$_{t-1}$ × Full democracy$_{t-1}$				0.673	0.363	0.456
				(0.495)	(0.494)	(0.392)
Observations	7,342	7,342	7,342	7,342	7,342	7,342
Log Likelihood	-660.798	-772.547	-1,266.189	-660.905	-769.074	-1,261.565
Akaike Inf. Crit.	1,779.596	2,003.094	2,990.378	1,779.810	1,996.147	2,981.130

Примечание: *p<0.1; **p<0.05; ***p<0.01
Стандартные ошибки в скобках